

Афанасия Уфимцева

Все еще будет

Афанасия Уфимцева

Все еще будет

«Автор»

2012

Уфимцева А.

Все еще будет / А. Уфимцева — «Автор», 2012

Казалось, все мечты Маргариты начинают сбываться – она получает сразу два долгожданных предложения: поработать в крупнейшем аукционном доме Европы (о чем еще может грезить начинающий искусствовед!) и стать «хозяйкой» руки и сердца своего преданного друга. Но она принимает неожиданное решение: уехать в далекий провинциальный город, чтобы разобраться в себе и своих чувствах. Ее надежды на тихое, безмятежное существование не оправдываются. В жизнь Маргариты врывается незнакомец, обаятельный, отчаянный, бесшабашный. Мир вокруг нее постепенно начинает обретать новые, невиданные ранее краски. Но когда то самое единственное счастье уже совсем близко, почти на ладони, на пути возникают непреодолимые препятствия, связанные с тайной, разгадывать которую Маргарите придется в одиночку.

© Уфимцева А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава первая, в которой события разворачиваются в дождливом Лондоне	5
Глава вторая, в которой начинает дуть вольный ветер	10
Глава третья, в которой появляется письмо в конверте	23
Глава четвертая, в которой рассказывается о зизифусах и мандрагорах	28
Глава пятая, в которой речь пойдет о помутнении рассудка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Афанасия Уфимцева

Все еще будет

*Больше всего хранимого храни сердце твое,
потому что из него источники жизни.*

Прит. 4:23

Глава первая, в которой события разворачиваются в дождливом Лондоне

*Вьюн над водой, вьюн над водой,
вьюн над водой увивается.
Жених у ворот, жених у ворот,
жених у ворот дожидается¹.*

В тот день, когда жители Туманного Альбиона переживали свежую новость о создании правительственной коалиции (явление, посещающее берега Темзы исключительно редко), выпускница Оксфордского университета Маргарита Северова получила следующую эсэмэску из Москвы: «Согласен. Жду». Не сказать, чтобы сильно обрадовалась. Скорее, вздохнула с облегчением. И все же лучезаринка скользнула по ясным карим глазам, а губы тронула легкая улыбка.

Значит, все решено.

Планы на день были тут же переиграны. Она, конечно же, помнила, что договорилась о встрече с Гарри, но, как говорится, форс-мажор. В маршруте появилась незапланированная загогулина: пришлось делать крюк через Грин-парк на Кинг-стрит. Там, увы, провела чуть больше времени, чем ожидала. Ведь нужно было расстаться по-хорошему, объяснить причину неожиданного отъезда и упротить, чтобы взяли-таки через год. Если все сложится. Как-никак хорошая работа на дороге не валяется.

Похоже, убедила.

Из графика пока выбивалась не сильно. Но, если какая-нибудь неприятность может случиться, она непременно случается. Пока бегала по городу, потеряла каблук. Каблук невысок, потому и невелика, незаметна потеря. Но все же. Вернулась поискать – не нашла. На это тоже драгоценное времечко ушло. Представив, как потешно, должно быть, выглядит ее походка со стороны, тихонечко рассмеялась. Левая нога предательски прихрамывала (результат еще не полностью вылеченного перелома), а правая – как будто в знак солидарности – забавно приволакивала из-за потерянного каблука.

На пару минут надо было заскочить в «Хэрродз» – купить подарки московским родственникам. Нырнула в метро. От Грин-парка до Найтсбриджа ветка прямая, но опять-таки долго получилось: поезд отчего-то полз медленнее обычного. Закупившись, добиралась до дома уже своим ходом, полуриской – насколько нога позволяла.

На Квинсгейт Мьюз, у входа в симпатичное зданище из трех этажей, перестроенное из викторианской конюшни, ее ждал, нервно вышагивая из стороны в сторону, молодой человек приятной наружности (в меру высок, статен, скорее блондин, породистое узкое лицо украшали

---

¹ Все эпиграфы к главам – из вятского фольклора.

бакенбарды, слегка небрит по последней моде). Шагал он пружинисто и легко. Такое ощущение, что заядлый теннисист.

– Ты что так долго? – начал он, не скрывая досады и раздражения. Было очевидно, что вот так ожидал он ее не впервые. Как говорится, накопилось, а потому простительно.

Маргарита, видно, и сама поняла, что оплошала, и виновато развела руками:

– Прости меня, Гарри.

– И мобильник опять забыла зарядить? – он укоризненно покачал головой.

Впрочем, вопрос этот был излишним. Он знал на него ответ. Маргарита заметила, что последние слова были произнесены уже несколько мягче, в связи с чем позволила своим губам медленно раздвинуться в улыбку.

Он поспешил улыбнуться в ответ. Следуя за Маргаритой по узким лестничным пролетам до третьего этажа, Гарри не проронил ни слова, но продолжал все так же трогательно улыбаться, будто бы мечтая о чем-то своем, личном.

То, что ему предстояло услышать, в один момент скинуло эту поспешную, нелепую улыбку.

– Поздравь меня. Я уезжаю с папой в Североречинск. Если быть точной, не в сам Североречинск, а в Вольногоры – небольшой городок километрах в двадцати от него. Мне нашлась работа: буду преподавать в местной школе. Нагрузка небольшая – хватит времени, чтобы заняться другими делами, все обдумать и решить, что я хочу делать со своей жизнью дальше.

Гарри с минуту помолчал, безуспешно пытаясь осмыслить сказанное.

– Другими делами? Что ты имеешь в виду? Я ничего не понимаю. Сколько сил вложено: изучение китайского языка, стажировка в Китае, предложение поработать в крупнейшем аукционном доме Европы... Еще вчера ты бредила этими вазами династии Цин. И ты готова обо всем забыть и все бросить? Или ты, быть может, надеешься обнаружить очаг цинской культуры в этом Североречинске? Максимум, на что ты сможешь там рассчитывать, – это должность товароведа на местном китайском рынке.

Последние слова прозвучали несколько вызывающе и обидно. Но Маргарита сдержалась, не поддавшись на провокацию, на что, если честно, была израсходована немалая часть резерва душевных сил.

– По-моему, ты не слышишь меня, – голос ее звучал спокойно, уверенно и как будто бы безразлично. – Мне нужно остановиться и осмотреться, понять, чем я хочу заниматься дальше. Точнее, что мне делать со своей жизнью дальше. В последнее время мне все чаще начинает казаться, что я живу не своей жизнью, не той жизнью, ради которой была рождена. Это так мучительно. Сейчас я просто должна забиться в захолустье, в самую глубокую дыру, чтобы никто меня не трогал, чтобы я все-таки поняла, чего хочу.

– К моему глубокому сожалению, во всей этой истории я не вижу места своей скромной особе. Я очень надеюсь, что ты не пытаешься таким образом отомстить мне...

Выразительно вскинув пушистые ресницы, она не дала Гарри договорить:

– Перестань. Мстить мне тебе незачем. Мне казалось, мы условились не вспоминать об этом. Я тебя давно и искренне простила.

Маргарита открыла окно. В комнату ворвался сладкий запах жасмина. Что за чудо! Она не замечала поблизости жасминовых кустов. Этот запах для нее был скорее домашним, русским. В начале июня все дачи в подмосковных Снегирах покрываются белой пеленой жасминовых цветов, празднуя переход от весны к лету. Аромат кружит голову, гонит дурные мысли. Но лучше всего в жасминовые вечера мечтается. Одним таким вечером она намечтала себе учебу в Англии. Так оно и получилось. Все, как привиделось тогда, как примечталось. А сейчас этот внезапно ворвавшийся запах еще больше утвердил ее в правильности принятого решения: она должна уехать домой.

К реальности Маргариту вернул густой, твердый голос Гарри:

– Я не планировал это делать при таких обстоятельствах. Но в любом случае я намеревался сказать это в ближайшее время. Мои чувства тебе хорошо известны. Впрочем, они и для окружающих не секрет – мои родители с моим выбором полностью согласны. У нас с тобой уже был разговор на эту тему два года назад, но тогда я не был готов. Я должен был вернуться домой в Бостон. Отец собирался передать мне наше семейное дело. Теперь же мои финансовые позиции прочны, как никогда. Я готов к созданию семьи, к рождению детей. Я готов взять на себя ответственность... Выходи за меня замуж.

Маргарита молчала, опустив глаза. Когда продолжать играть в молчанку стало просто неприлично, сказала тихо, но уверенно:

– Я должна уехать.

– Мне воспринимать это как отказ? – его голос дрогнул, мощное плечо нервно дернулось.

– Воспринимай как хочешь. Разве ты не понимаешь, что я должна это сделать и ради папы? Ему нужна моя поддержка. Он уже полгода один, без мамы. Я должна, я обязана поддерживать его. Другой такой возможности у меня не будет. Что касается нас с тобой... Если нам действительно суждено быть вместе, за год ничего не изменится. А сейчас извини меня – я должна успеть попрощаться с тетушкой и Алисой. Мой самолет завтра утром. – Взглянула на часы и глубоко вздохнула. – У меня на все про все не больше десяти часов.

Выйдя из подъезда, Гарри постоял немного, посмотрел на не по-лондонски ясное голубое небо, грустно улыбнулся и понурой походкой зашагал в сторону Гайд-парка. И прошел-то всего метров сто, а небо уже затянулось тучами, готовыми разорваться, разойтись водяными потоками по весеннему городу.

Сам не заметил, как очутился в парке. Пройдя мимо закусочной Honest Sausage², двинулся вдоль цветочной аллеи, пестревшей уже совсем радостно, по-летнему. Под ноги бросались оголодавшие белки и потерявшие всякую совесть голуби. На выходе из аллеи дождь все-таки припустил, загнав бедного Гарри под спасительное дерево и норовя своими косыми струями достать до нежной коричневой замши дорогих ботинок. Морщась от холодных капель, иногда достигавших его лица, он одеревенело взирал на золотого принца Альберта³, восседавшего на троне и заботливо упрятанного любящей Викторией в ажурную беседку. «Сидит себе в сухости и свысока посматривает на концертный зал своего же имени⁴, – говорил Гарри себе. – Вот она, женская любовь – сполна выплескивается тогда, когда милого уже нет рядом. А может, эта неудачливость в любви – идиотская семейная традиция?» Последнее предположение относилось уже не к принцу Альберту, а к себе. Его прапрадед, тоже Гарри, тоже адвокат, имел неосторожность неудачно влюбиться, в результате чего вынужден был навсегда уехать из Лондона и обосноваться за океаном, в Бостоне.

М-да... Гарри не нравилось, что его мысли поплыли в столь пессимистичном направлении. Дождь, слава Богу, быстро истощился, давая надежду, что и упертости Маргариты скоро придет конец. И все же, для полного успокоения нервов, решил что-то съесть. Зашагал в сторону Гайд-парка – там, на берегу озера Серпентайн, лет десять назад была закусочная. Можно было не сомневаться – она будет там же, на том же месте и сейчас, и через сто, и через двести лет. Это так по-британски – блюсти традиции. И так по-русски – не хранить то, что имеешь (это его мысли опять понеслись, сломя голову, к Маргарите).

Узрев ровную гладь озера, самодовольно улыбнулся: закусочная «Лидо» была на месте, никуда не съехала и не удалась. Правда, добавился фонтан неподалеку: по мраморным желобам, выложенным в форме сердца, неслись водяные струи.

---

² Честная колбаса (англ.)

³ Имеется в виду памятник принцу Альберту, мужу королевы Виктории, установленный в Кенсингтонских садах.

⁴ Королевский Альберт-холл.

Примостившись у столика, стоявшего прямо у кромки воды, полностью подавил дурные мысли плотным обедом.

«Она ко мне еще вернется, обязательно вернется, – пронеслось в его голове. – Покукует среди свирепых медведей и вернется».

* * *

– Алиса, – тихо произнесла Маргарита. – Алиса!

Никакого ответа. Алиса сладко спала, уютно устроившись на диване в гостиной лондонского дома на Понт-стрит. Только сейчас Маргарита почувствовала горечь предстоящей разлуки с сестрой, которая была ее самым преданным другом последние девять лет – с момента переезда из Москвы в Лондон, в дом тетушки. Взглянув на Алису, с удивлением констатировала положительные перемены. Выходит, ожидание свадьбы женщину украшает. Алиса и раньше притягивала мужские взгляды, как магнит металлическую стружку. Мягкие черты ее русской матери исключительно удачно нарисовались на чуть вытянутом англо-саксонском лице, как у покойного отца – коренного британца.

Спать в такой исключительный момент, когда каждая минута на счету, было непростительно. Забыв на время про свою воспитанность и врожденную деликатность, Маргарита изобразила несколько громких вздохов. Результат ноль. Прошлась по комнате, нарочито притоптывая. Разок даже фыркнула. Опять попусту. Ее всю распирало от невозможности выплеснуть горячую новость. И с кем поделиться, как не с Алисой – душой русской. Пускай только наполовину. Разверстывать сердце перед тетушкой было делом бесперспективным. Хотя и были они с мамой родными сестрами, а жизнь их покатила по таким разным дорожкам-тропинкам, что бедная тетушка совсем заплутала и полностью позабыла о своих корнях. Одним словом, ей удалось избавиться от всего русского, кроме акцента.

Другое дело – Алиса. Хотя и говорила она по-русски с акцентом, но все русское привлекала. Особенно дорогую Маргариту. Через нее-то и впитала пикантность русской души. А вот к Маргарите осознание своей русскости пришло самым неожиданным образом – в библиотеке Оксфордского университета, где в ее руки попали «Заметки о русском» Дмитрия Лихачева. Частная английская школа, три года в Оксфорде развили ее ум и воспитали характер на британский лад, но оставили нетронутой ее душу. Некоторые строки из заметок она знала почти наизусть и, вспоминая их, неизменно ощущала тоску по «воле» – большим пространствам, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, широко вдыхая грудью ветер и чувствуя над головой небо.

Маргарита как раз собиралась рассказать Алисе о своих планах уехать на год в Россию. Попутешествовать, если повезет. Нет, не между двумя парадными столицами, а именно по настоящей России, неспешно передвигаясь на поезде от Москвы до Владивостока, оставаясь на ночлег на самых неприметных станциях, преодолевая расстояния пешком и на попутках, полной грудью вдыхая воздух далекой родины.

Конечно же, если повезет и все сложится.

Маргарита вышла из гостиной и поднялась в детскую – комнату, в которой она поселилась девять лет назад, где в первые месяцы, накрывшись с головой одеялом, она оплакивала расставание с родителями и с тихой, милой жизнью московского дома. «Не может быть, чтобы я когда-нибудь забыла это», – подумала она.

Ее воспоминания прервали голоса в гостиной. Спустившись, она увидела тетушку, Алису, смущенно поправляющую растрепанные волосы, и счастливо улыбающегося американского жениха Ника, который, ко всему прочему, приходился Гарри двоюродным братом. Маргарита нисколько не сомневалась, что о ее непростительном поведении Ник уже проин-

формирован. Точно, так оно и есть – пусть его приветственный кивок был максимально добродушным, а улыбка искренней и открытой, но глаза поблескивали плохо скрываемой укоризной.

Не обратив внимания на появление Маргариты, тетушка продолжала делиться с Ником последними новостями о приготовлениях к свадьбе, задавала вопросы и, не дожидаясь ответа, вновь и вновь сетовала на медлительность некоего Джеймса и полное непонимание ее требований со стороны Барбары, имя которой Нику ни о чем не говорило. Когда тетушка начинала антимионии разводить, был только один выход – почтительно слушать.

Маргарита невольно заулыбалась. Поймав ее взгляд, Алиса улыбнулась в ответ. Оставив Ника на попечение мамы, подошла к Маргарите.

– Не знаю, что может быть глупее приготовлений к пышной свадьбе, – промолвила Маргарита. – Извини, но повеселиться на твоей свадьбе, скорее всего, не смогу. Завтра утром уезжаю домой, к папе.

Маргарите показалось, что Алиса не была удивлена.

– Значит, все получилось. Ты даже не представляешь, как я рада за тебя. Но все-таки постарайся приехать на свадьбу. Я не знаю, как смогу пережить весь этот кошмар. Тебе меня не понять...

– Еще бы. Но мне почему-то кажется, что, даже если я и решусь когда-нибудь выйти замуж, моя свадьба будет тихой и скромной. Откроюсь тебе, по секрету: я несколько раз видела свою свадьбу во сне. Претендента на мою руку, правда, так и не рассмотрела. Несколько раз давала себе установку получше разглядеть его. Ан нет! Сон снится регулярно, а избранник показываться не желает категорически. Может, он кривой или косой – не знаю. Но место исключительно красивое.

– Представляю. Не сомневаюсь, что это тихое и скромное местечко затерялось где-то на Мальдивах. Или Гавайях.

– Нет, конечно. Это маленькая белая церковь. Православная. Похоже, что сельская. Я запомнила это место так четко, до мельчайших подробностей, что обязательно узнаю его, если увижу. Я даже рассмотрела, что на ступеньке у входа есть скол с правой стороны, деревянная дверь выкрашена синей краской, с левой стороны от входа свечной ящик. Пол в храме устлан свежим сеном, похожим на пестрый ковер из-за засохших васильков. И солнечные блики на этом ковре светятся, как лепестки желто-розовых нежных роз. С правой стороны от иконостаса – прямо у окна – образ Святой Екатерины, маминой святой. Я никогда не видела этой иконы, но почему-то четко знаю, что это именно она, святая Екатерина. Мамы нет в храме, и все же я чувствую, что святая Екатерина благословляет меня, как моя мама. Голоса на клиросе душевные, ладные. Но главное – в другом. Всякий раз, когда пробуждаюсь после этого сна, на душе хорошо-хорошо.

– Это удивительно, – задумчиво произнесла Алиса. – Даже странно.

Маргарита помолчала немного, как будто размышляя, стоит ли об этом говорить, но все же решила:

– Странно другое. Месяца два назад я опять видела этот сон. Всё как обычно. До мельчайших подробностей. И день солнечный, и голоса певчих чистые, светлые. И на душе, как всегда, хорошо. Но в самом конце сна зазвонил вдруг колокол. Совсем не радостно. Сердце так защемило – хоть плачь...

Глава вторая, в которой начинает дуть вольный ветер

*Не хочу я чаю пить,
Не хочу заваривать.
Не хочу с тобой гулять,
Даже разговаривать.*

Из Москвы поезд отправился точно по расписанию. Густой дым лесных пожаров, охвативших подмосковные леса, окутал прощавшиеся с поездом городские дома, создавая ощущение, что поезд не едет, а плывет среди спустившихся на землю облаков.

Было душно и невыносимо жарко, но в вагоне царили воодушевление и веселье. Всего лишь одна ночь в пути, и счастливых пассажиров встретят долгожданная прохлада и спокойное, неторопливое очарование северных русских провинций. Уже скоро скованные жарой и дымом их души и сердца откроются для созерцания красоты и покоя. Их обоняние, истерзанное запахом раскаленного асфальта, вспомнит счастье вдыхать ароматы неброских северных полевых цветов и согретого ласковым солнцем дерева старого русского дома.

Но все это произойдет с ними только завтра. Пока же в поезде торжествовал запах жареной курицы: путешественники начинали ужинать.

Вскоре оживленные голоса начали стихать, и на утомленных пассажиров сошла сладостная дрема, прерываемая только скрежетом колес тормозившего на частых остановках неторопливого поезда.

Среди бежавших от московской жары и дыма пассажиров, искавших на севере лишь временного прибежища, двое уезжали из города всерьез и надолго. Верхние полки их купе были заставлены чемоданами и связками книг. Профессор математики Николай Петрович Северов и его дочь Маргарита уезжали в северный курортный город Вольногоры, где Николаю Петровичу было предложено возглавить математическую школу-интернат.

Профессор Северов покидал Москву без свойственных ему интеллигентских колебаний. В молодые годы, бросая с Ленинских гор взгляд на раскинувшуюся внизу столицу, он мог расчувствоваться до слез и прошептать – так, чтобы никто, кроме него, не слышал: «Москва, Москва!.. люблю тебя как сын, Как русский, – сильно, пламенно и нежно!» Но в последние годы на него снизошло горестное осознание, что пульс порушенного и перестроенного города уже бьется не в унисон с его сердцем. Москвичи по рождению куда-то съехали, удалились. Будто их смело, смыло какой-то страшной волной. Ничего, кроме боли и горечи, этот город у него уже ни вызывал. Внутренняя гармония была потеряна, а результат – бессонница, артериальная гипертензия и – прости, Господи – дисбактериоз. Как говорится, укатали сивку крутые московские горки. И теперь, когда каверзная Москва оказалась окутанной едким дымом, вызывая злобу и раздражение измученных жителей, он категорично утверждал, даже настаивал, что таким образом истерзанный город мстит за свое разрушение.

«Подальше от Москвы, в провинцию, в провинцию!» – повторял он вновь и вновь под мерный стук колес бегущего поезда.

Поезд прибыл на станцию Живые Ручьи около десяти часов утра и через три минуты продолжил свой путь дальше на север, оставив Маргариту и ее отца с их чемоданами и свертками на оживленном перроне.

До Вольногор добирались на новеньком такси, курсировавшем между станцией и курортом. На подъезде к городу начался звонкий дождь. Он начался внезапно, лил стеной – навзрыд, яростно и беспощадно. Машина медленно шла в гору, потом повернула направо и остановилась

во дворе двухэтажного бревенчатого дома. Во двор выходили четыре окна, украшенные резными желто-зелеными наличниками. Прибитые дождем георгины и флоксы устилали дорогу к дому.

Дверь отворилась, и на крыльцо вышла розовощекая, взращенная на свежем воздухе и натуральной еде, девушка Дуся. Предусмотрительный Николай Петрович заранее озаботился и нанял помощницу по дому. В конце концов, не Маргарите с ее образованием пироги печь да сор из углов выметать. Нет уж, друзья мои, извольте.

К приезду московских постояльцев Дуся приготовилась по-серьезному, с настоящим русским размахом, уже давно позабытым в скаредной Москве. Внушительный овальный стол в гостиной, покрытый белой кружевной скатертью, был заставлен блюдами с беляшами, шанежками, плюшками, пирожками, ватрушками и бисквитными грибочками (поблескивавшие шляпки которых были глазированы шоколадом), а также вазочками с вареньем из лесной земляники, малины и абрикосов с косточками. Из большого чайника по комнате разносился горьковатый аромат свежего чабреца. Впрочем, если в Северном Заречье завести речь о чабреце, никто не поймет, о чем, собственно, речь, поскольку эта исключительная по своей целебности трава зовется здесь богородской. А все потому, что ей принято украшать праздничную икону на Успение Пресвятой Богородицы. Ну это так, к слову. Что же касается нового дома профессора Северова, то здесь благоухание богородской травы соединялось в замысловатый букет с запахами березовых дров, печеной картошки и каких-то неведомых сушеных цветов.

Как бы то ни было, но Маргарите было не до ароматов нового дома. Попив чаю, продегустировав местное варенье и съев пару плюшек (чтобы не обижать чувствительную Дусю), она побежала к вольной, могучей реке, звонко стуча каблучками по мокрому асфальту. Правда, весьма скоро пожалела, что нацепила туфли с этими самыми каблучками: асфальт сменился вековой брусчаткой. Сразу заковыляла как-то некрасиво, а главное – пришлось упереться взглядом в эту самую брусчатку, чтобы не ввинтиться каблуком между камнями. Заставил поднять светлы очи нарочитый басок:

– Может вас, девушка, до набережной на руках донести?

На глупую шутку качкообразного повесы не отреагировала. Но все же взгляд от злосчастных камней оторвала и пошла уверенным и легким шагом – насколько позволяла еще не совсем оправившаяся нога. Черт с ними, с каблучками.

И с местным повесой тоже.

Если отвлечься от этого глупого эпизода, то первое впечатление от Вольногор получалось весьма благоприятным. Прямо-таки каким-то сахарным. И впечатление это было обязано трем вещам. Перво-наперво, здесь все дышало нетронутой, первозданной тишиной и покоем, и Маргарита вдруг почувствовала, что вновь обретает *время*, украденное телефонными звонками, общением в социальных сетях и за их пределами. Во-вторых, изрядно порадовал местный воздух: он был каким-то звонким и эффект имел немножко дурманный, пьянящий. Ну а третий аргумент в пользу города заключался в том, что был он на удивление обласканным, с привкусом старины. И неким богемным флером – на каждом шагу попадались колоритные художники. Скользя опытным взглядом по некоторым сочным полотнам, Маргарита пришла к умозаключению, что занятие живописью, видимо, было очередной оздоравливающей процедурой-приманкой вольногорского курорта.

Пусть так, но все равно неплохо.

Ближе к реке заиграл шустрый, приветливый ветерок, задувший уже со всей силы на городской набережной. Дома там – большей частью старые, но вид у них не затхлый, а скорее свежeweымытый, опрятный. Кругом кованые фонари. Вывески на всех заведениях – возрожденные, сродни тем, что были еще в старых Вольногорах, дореволюционных. А заведения самые что ни на есть занятные. Рядом с конторой под названием «Складь местных древ-

ностей» (видимо, антикварные товары, решила Маргарита) – небольшая, но примечательная лавка «Вьнчальные цветы и свъчи» (подумала: вряд ли рентабельная). Повсюду всевозможные чайные и молочные, кофейня Вольногорского общества трезвости, а также «складь» северного меда и подвал колониальных товаров, благоухавший свежемолотым кофе. У пристани вместо такси – конные экипажи. Лошадки все годные и ладные, окрасом серые, в яблоках. Возничие одеты по форме – синий кафтан и низенький цилиндр с пряжкой спереди. Из-за скопления лошадок витала в воздухе некая душистость – хоть и не расстроившая Маргариту, но заставившая ускорить шаг.

Как раз там-то, недалеко от пристани, и поджидало ее первое приключение. Не сказать чтобы приятное. Скорее наоборот.

Метрах в десяти от берега мчалась на раздутых парусах спортивная лодка. Лодочка совсем небольшая, новенькая. Вся команда – два пацана лет восемнадцати. Впрочем, в этом ничего необычного не было. Привлекало внимание другое. Лодочка металась, как муха в паутине, а за ней гналась, не давая покоя – прижимая и тесня, моторная яхта «Скводрон». Пассажиры моторки, перегнувшись через перила и полувисая над водой, извергали из глоток, к тому моменту уже на совесть промоченных, нечеловечные слова в адрес парусника. Наиболее горлопанистый орал благим матом:

– Уступи дорогу, поганец! В сторону, тебе говорят!

Река-то широкая, раздольная – противоположный берег только при ясной погоде можно рассмотреть. Места для всех вдоволь. Только вот моторка так и пинала несчастный парусник к берегу, на мель. Разогнавшись, прошла так близко, что наиболее удачливым пассажирам даже посчастливилось до парусника доплунуть. Лодочку крепко крутануло, еще бы чуть-чуть – и перекувырнулась. Но, слава Богу, удержалась, устояла. И все ж на мель вылетела, больно скрежетнув днищем по камням, что тут же нашло отклик у наиболее чувствительных свидетелей происшествия в виде внезапно нахлынувшей зубной боли.

Невозможно со всей уверенностью сказать, как завершилось бы это злостное злоключение, если бы один из случайных прохожих – высокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти – не кинулся на выручку, погрузившись в студеную воду (от чего у некоторых наблюдавших за этой сценой дам даже мурашки пошли), и не вытолкнул горемыку на воду.

Однако спасением лодки его намерения не ограничились. С завидной быстротой и ловкостью выскочил из воды, в три стремительных шага добрался до стоявшего неподалеку гимсовского⁵ катера и, включив сирену, кинулся в погоню за «Скводроном». Скоро и яхта, и преследовавший ее катер скрылись за крутым изгибом реки. Собравшаяся на набережной толпа, немного погудев, начала расходиться, чтобы вновь предаться сладкому празднотательству.

Маргарите в силу ее природного любопытства не терпелось узнать, чем все это закончится. Почему-то переживала за отчаянного безумца: раздавит его «Скводрон» по чем зря. Присела на лавочку.

Рядом с ней примостился сочувствующий, из местных, – лет сорока, с победно торчащими черными бровями и лохматой бородой.

– Федор Разин, – представился он, протягивая лопатообразную ладонь. Руку сжал подчеркнуто энергично, почти что до хруста. Свободной рукой похлопал Маргариту по плечу. – Можете не представляться, я знаю, кто вы.

Не отрывая взгляда от суровой реки, Маргарита сочувственно вздохнула. Разин ее печальные мысли уловил:

– Что скукошились? Не бойтесь, он выпутается.

– Вы его знаете? Кто он?

---

⁵ ГИМС – государственная инспекция маломерных судов.

– А то как же! – Разин закивал взъерошенной головой. – Нишь не знаешь? Иван Григорич Иноземцев – хозяин всего нашего курорта, а на летошних выборах стал городским головой, значит мэром. Пытается какой-то порядок навести. У нас ведь здесь война настоящая: моторки за парусниками охотятся. Указывают, кто на воде хозяин. Все мы для них – люд мелкотравчатый. И прихлопнуть не жалко – как надоедливого комара. Владельца такой моторки разве по закону привлечешь? Всегда откупится. Поэтому и взвился Иноземцев, достали его. Он ведь у нас человек новый, к местному беспределу не привыкший. Лет десять как приехал. Да вы и сами заметите – нет у него нашего северного выговора. А пока он не появился, один я и дрался за город. Сейчас, правда, большей частью осторожничаю, стерегусь. Мне за прошлого мэра пришлось отдуваться – условный срок дали.

Маргарита на минуту оторвала взгляд от реки и вопросительно посмотрела на Разина.

– Почему это вас так поражает? – продолжил он, ничуть не смутившись. – Прежний мэр был у нас ворюга шибко выгольный. Я не сдержался и пригладил его метлой по спине пару раз. Ну, может, и не пару, – Разин подмигнул Маргарите и хмыкнул. – Увечий кубыть не нанес, но оскорбил, видишь ли. Мне срок дали, условный. А на него даже дело не завели – куда я только писем про его безобразия не слал. Сейчас с почетом восседает в Североречинске вице-мэром. В наши края нос не сует. Думаю, что из-за меня хвост поджал. Метлу эту я на всякий случай приберег – ждет своего часа у меня в сарае. Я даже на ней ножичком вырезал Nimbus 2000, для истории. Придет время – в городской музей ее передам. Безвозмездно.

Разин зашелся самодовольным хохотом. Маргарита, все еще пребывая в переживаниях за отчаянного безумца, собеседника не поддержала, но все же слегка улыбнулась – приличия ради.

В этот момент из-за поворота реки показался «Скводрон» и шедший вровень с ним катер.

– Эх, забубенная головушка. Как я и говорил: жив наш курилка, – одобряюще пробасил Разин.

– Он много курит? – спросила Маргарита. Ей почему-то хотелось, чтобы этот безумец был хоть в чем-то разумен.

– Чтоб Иноземцев смолил? Окстись! На кой мне неправду болтать. Он тут дошкуляет всем своими запретами. Скоро токма дома под одеялом и можно будет сигарку засмолить. Дюже правильный он. И отчаянный, яростный. Прямо удалец-молодец. За что и любим заезжими бабешками. Вон, глянь-ка: сидят, переживают истошницы.

Разин кивком головы указал на соседнюю лавочку. Маргарита поворачиваться не стала, но глаз чуть скосила. Действительно, две ухоженные, молодящиеся дачницы исключительно приятной наружности. Горячим взглядом прямо-таки всверлились в приближающийся катер. Когда объект был метрах в пяти от берега, дамы привстали и приветливо, одобрительно загалдели. Радостно заерзал пристроившийся с ними на лавочке худосочный гимсовский инспектор, терпеливо ожидавший возвращения казенного катера. Иноземцев же сочувствующую публику и вежливым взглядом не почтил. Лицо его от ярости было блее белого и ходило волнами – подобно реке, взбудораженной причалившими судами.

– Все на берег, живо. Все до одного, – заорал он голосом, не предвещавшим ничего хорошего. Наконец-то узрев переминавшегося с ноги на ногу инспектора, завопил еще громче. – Что стоишь? Протокол составляй. Свидетелей опроси.

Увидев, что на берег спустился дрожащий от страха рулевой – белесый верзила лет пятидесяти, Иноземцев ринулся к нему и рубанул рукой по киселеобразной губе, которую тот как раз нервно покусывал:

– Наука тебе будет, чтобы в следующий раз своей головой думал...

На белой рубашке бедолаги тут же появились гранатовые капельки. Взбешенный Иноземцев вознес было руку, чтобы преподать еще один урок, но в ту же секунду со скамейки сорвалась Маргарита, ввинтилась между рулевым и Иноземцевым и завопила что есть мочи:

– Не смейте! Остановитесь! Он вам в отцы годится (здесь она, конечно, обсчиталась). Это низко и подло – бить человека, пользуясь своей властью.

Иноземцев нервно дернул бровью и уставился на Маргариту, пытаясь испепелить ее негодующим взглядом. Он был, безусловно, задет выпадом незнакомки. Как говаривал Стендаль, «всякое дельное замечание задевает». Но здесь дело было не только в справедливой критике, ибо Маргарита не ограничилась одними лишь гневными речами. Она самым решительным образом схватила агрессора за руку – что было силы врезаясь ухоженными ногтями в его загорелую кожу. Прощтрафившийся рулевой тут же оживился и довольно пробасил:

– Маленькая пташка, а коготок востер.

Как бы там ни было, но к чести Ивана Григорьевича Иноземцева надо заметить, что эмоции он придержал – спокойно убрал руку правозащитницы, погладил свою поцарапанную кожу, чуть наклонился вперед и невозмутимым, неожиданно красивым бархатно-шоколадным баритоном проговорил, не отводя от Маргариты испытующего взгляда:

– Идиотка.

– Сам дурак, – тихо, но достаточно твердо и отчетливо – чтобы он услышал – проговорила она. Резко развернулась и зашагала в гору походкой легкой и пружинистой, полностью забыв про еще недавно болевшую ногу (недаром место это курортно-целебное). Притом ни разу не обернулась, хотя и чувствовала, как пару раз стрельнул по спине его возмущенный взгляд.

Нет уж, не дожидетесь. Взбеленившийся мэр не стоил даже краешка ее взгляда. Совсем не стоил.

* * *

День у Ивана Иноземцева не задался еще с утра. Все началось с того, что обнаружил серьезные огрехи в бухгалтерской отчетности. Своим сотрудникам доверял как самому себе: слава Богу, не первый год работали вместе. Оттого такие оплошности казались особо досадными. Случай с парусником – прямо на городской набережной, где совершают моцион отдыхающие после оздоровительных процедур, – еще больше вывел из себя. Этот эпизод может еще ой как аукнуться. Пассажиры «Сквордона» грозили, что с ним разберутся. Такие, конечно же, могут – судя по троглодитским рожам. Еще повезло, что не раздавили как муху. А потом эта экзальтированная особа с острыми когтями. Посмотрел на руку – царапины покраснели и припухли.

Зашел домой (а дом его был по соседству, на набережной), принял контрастный душ и переоделся. Печально констатировал, что все еще раздражен. Был лишь один способ, неоднократно проверенный, чтобы вернуться в спокойное расположение духа. Сколько раз бывало: подкатывает болезнь, уныние, смертельная усталость, но стоит пройти по восстановленным им, Иваном Иноземцевым, вольногорским улицам, как в сердце возвращается покой и на душе становится покойно, хорошо. В этот раз для длинной прогулки был существенный повод: из Москвы приехал профессор Северов, надо было его непременно навестить.

Отправляясь в Нагорную Слободу, Иноземцев прихватил с собой рыжего котенка в подорок, на новоселье. Укутал дрожащее животное в шарф и спрятал за пазуху – день все-таки ненастный, промозглый.

Путь был неблизкий – считай, через весь город. Но все равно решил идти окружными путями, чтобы продлить удовольствие и усилить эффект от прогулки.

Вольногоры были настоящим родовым гнездом Иноземцевых. Его прадед объявился в городе еще в начале XX века. Никто не помнил, из каких краев он приехал сюда. Только поначалу, как говорят, по-русски мало что понимал, но быстро освоился и скоро мог часами торговаться на местном окаяющем наречии с купцами, заезжавшими из Нижнего, а иногда и из самой Москвы. Прадед Иноземцева сразу оценил стратегические преимущества Вольногор:

до нижегородской ярмарки по реке рукой подать, местный народ трудолюбив, чистоплотен и набожен. Жили небедно: из шерсти местной овцы получались лучшие в губернии валенки, а в какие края и веси река несла местную шерсть дальше – один Бог знает. Потому-то в верхней части городского герба, Высочайше утвержденного в далеком 1760 году, стояла, поглядывая будто свысока, мохнатая овца, а вот внизу примостилась дегтем наполненная бочка в золотом поле – в знак того, что «обитатели сего города оным производят знатный торг».

Была еще на том гербе непонятная, загадочная загогулина, о природе которой исторические источники коварно умалчивают. Это, конечно же, привело к разного рода кривотолкам, начиная от легкомысленного утверждения, что это есть изображение популярных в городе медовых и маковых кренделей, и заканчивая более заумной, философской трактовкой – будто бы это сам вольный ветер, гуляющий в головах свободолюбивых жителей Вольногор. Насчет свободолюбивых жителей примечено весьма точно, ибо в XIX веке город стал популярнейшим местом политической ссылки.

Так вот, предприимчивый прадед Ивана Григорьевича Иноземцева открыл в Вольногорах образцовую ситценабивную мануфактуру, выписал из-за границы самое лучшее оборудование. При мануфактуре открыл для рабочих столовую, в которой не брезговал отобедать и сам. Построил новую пристань и красивую набережную с электрическими фонарями, где в престольные праздники после заутренней жители города любили пройтись со своими чадами и домочадцами, всем своим видом как будто бы говоря: «И наша денежка не щербата, и мы поразились». Сам же владелец мануфактуры зачастую присоединялся к гуляющим, останавливаясь по пути и с неизменным участием и достоинством расспрашивая горожан об их житье-бытье.

Авторитет молодого фабриканта в губернии был непререкаемым. Говорят, губернатор к нему не раз наведывался за советом и за деньгами на губернские нужды. Но полностью завоевал сердца вольногорцев он лишь тогда, когда женился на местной девушке по православному обряду и назвал своего первенца самым русским именем Иван.

Волны Октябрьских событий докатились до Вольногор с некоторым опозданием. Здесь, конечно, и раньше слышали о забастовках в Североречинске, но волнения обходили город стороной. Однако решение новых властей о национализации мануфактуры и приезд уполномоченных из Североречинска изменили жизнь города раз и навсегда. Подробности событий тех дней достоверно никому не известны. Очевидцев уже нет в живых, большинство архивных документов утеряно, а болтать языком на эту тему многие десятилетия побаивались.

Согласно одной из доживших до наших дней версий, в 1918 году в городе зазимовал артиллерийский дивизион речной флотилии. Матросы пьянствовали, не подчинялись местной власти. Чашу терпения горожан переполнил учиненный артиллеристами незаконный обыск в Покровском храме – святые образы и книги были свалены на пол, а приходской священник под дулом пистолета был вынужден отдать им весь запас вина, припасенного для причастия.

Прадед Иноземцева попытался урезонить пьяных матросов, и в тот же день был расстрелян ими прямо у стен храма. Молодая жена, стремясь защитить его, первой получила пулю в висок, а их малолетний сын был отправлен в приют Североречинска, где ему дали новую фамилию – Иноземцев. Вскоре мануфактура была закрыта как нерентабельная, а все бывшее благополучие города кануло в небытие.

Завершающим аккордом в разрушении патриархального уклада города стало превращение Покровского храма в клуб, открытие которого ознаменовалось постановкой «Нового завета без изъяна евангелиста Демьяна» и постройкой памятника «борцу с лжерелигией» Иуде. Памятник, правда, простоял всего два дня и бесследно исчез вместе с постаментом.

Лет через восемьдесят после описанных печальных событий двадцатипятилетний Иван Иноземцев, детство, юность и весьма успешное в материальном отношении начало взрослой жизни которого прошли в небольшом промышленном городке в Восточной Сибири, решил

заняться изучением своих корней. Начало истории рода в приюте Североречинска его не удовлетворяло, и он не жалел средств на поиск в архивах сведений о предках загадочного деда Ивана. Через полгода его усилия увенчались успехом. Стало достоверно известно, что отец Ивана Иноземцева-старшего проживал в Вольногорах, загадочном городе на берегу великой реки. На следующий день после получения этих сведений Иван Григорьевич Иноземцев уже летел на самолете в Москву, а еще через день стоял на перроне станции Живые Ручьи Северной железной дороги.

Как и его далекий предок, Иноземцев был поражен красотой здешних мест. С высокого берега реки Вольногоры были как на ладони. Внизу, в долине, нестройными рядами расположились аккуратные домики, среди которых, как цветущие кусты, были разбросаны чьей-то щедрой рукой разноцветные церкви, столь необычные для русского севера. От разноцветья церквей к небу яркой дорожкой вела радуга, раскинувшаяся над городом.

Спустившись в долину, Иноземцев был еще раз поражен – запустением и разрухой: фундаменты большинства домов просели, некоторые здания полулежали на боку, по разбитой набережной гуляла одинокая коза. От мануфактуры же не осталось почти ничего – лишь небольшой холм, полностью заросший густым лесом. Поднимаясь вверх по холму, Иноземцев споткнулся о торчавший из земли кусок старого кирпича, на котором сохранился оттиск *МХ*, бережно поднял его и, загадочно улыбнувшись, взял с собой.

На продажу бизнеса у Ивана Иноземцева ушло около шести месяцев. Семейой он к тому времени обзавестись еще не успел, что опять-таки облегчало его решение о переезде в Вольногоры. Отца уже не было в живых, а мать, искренне верившая в звезду своего сына, занялась сборами, не задавая лишних вопросов, ничего не загадывая и ни о чем не жалея. Впрочем, никакого вразумительного объяснения своему решению он все равно не смог бы дать. У него не было никакого плана. Идея восстановить мануфактуру была абсурдной. Чем еще заняться в Вольногорах, он пока не представлял. Его просто необъяснимо влекло туда и манило. Окружающие неизменно замечали, что он стал весел и улыбчив, хотя, возможно, и чуть более замкнут. Конечно, его посещали минуты сомнений и страха – тогда он доставал кусок старого кирпича, привезенный из Вольногор, и через несколько минут желание круто изменить свою жизнь становилось еще более твердым, чем раньше.

Фортуна не подвела Иноземцева и на этот раз, а его упорство, терпение и вера были по достоинству вознаграждены. Приехав в Вольногоры, он занялся изучением истории здешних мест. На его глаза попала заметка о том, что в 1919 году в город приезжал нарком Луначарский для изучения возможности его превращения в детский курорт ввиду исключительных природных факторов этого места, заключавшихся прежде всего в наличии целебных источников на окраине города. Тогда предполагалось большую часть жителей выселить из Вольногор, а их дома превратить в корпуса санатория. По причинам, нам доподлинно не известным, эти смелые народно-хозяйственные планы не были осуществлены.

Поиск и расчистка источников потребовали лишь небольших вложений времени и средств упорного Ивана Иноземцева. Затем последовал приезд лучших специалистов из Санкт-Петербурга, которые подтвердили исключительные целебные качества вольногорской воды. Основные же средства ушли у Иноземцева на скупку и ремонт пустующих домов.

За пять лет он скупил, отреставрировал и оборудовал практически все старые дома в прибрежной части города, превратив их в комфортабельные дачи для зажиточных москвичей и петербуржцев. Тропинки, ведущие к источникам, превратились в променады, украшенные затейливыми фонарями, скульптурой и музыкальными фонтанами. А вслед за первыми дачниками в Вольногоры потянулись столичные рестораторы, шоумены и прочие господа, неизменно притягиваемые магнитом толстого московского и петербургского кошелька.

Город, и не подозревавший о своей красоте, неожиданно стал модным местом для длинного уикэнда и восстановления после стрессов столичной жизни – в основном посредством

эффективной терапевтической процедуры, известной как *dolce far niente*⁶. При этом Вольногоры не огламурились, а сохранили свое провинциальное очарование. По утрам здесь можно было услышать петушиные трели, а к вечеру, на закате, – переключку местных, исключительно добрейших, собак.

Иноземцев же, искренне полюбивший принявших его горожан, озаботился идеей открытия в Вольногорах передовой математической школы-интерната, не жалея для этого своих сил и средств. Для этого, собственно, и пригласил из Москвы известного профессора-математика Николая Петровича Северова. Они несколько раз встречались, и Иноземцеву показалось, что Николай Петрович его взгляды разделял. А это, собственно, половина успеха.

Испытанный способ оказался чудодейственным и на этот раз. К Нагорной Слободе, где поселился профессор Северов, Иван Иноземцев подходил уже в приподнятом состоянии духа, глаза излучали свет ясный и оптимистический, и ничто в облике не напоминало о гнусной хандре, столь недавно посетившей его. Настроения не испортил даже внезапно начавшийся холодный дождик. Напротив. Разверзшиеся небесные хляби смыли самые последние досадные воспоминания о неприятностях столь неудачно начавшегося дня.

В результате к дому профессора Северова Иван Иноземцев подошел в несколько подмоченном, но абсолютно уравновешенном состоянии. Едва закрыл скрипучую калитку, как услышал взволнованный голос Дуси, кричавшей в открытое окно:

– Иван Григорьевич, да разве так можно! Так и простуду заработать недалеко!

– Ничего, не сахарный. Не растаю, – отвечал он подчеркнуто приветливо и абсолютно искренне.

Не успел дойти до крыльца, как дверь отворилась и на пороге появилась заботливая Дуся, протягивающая полотенце. Что, впрочем, было весьма кстати, поскольку с волос уже не капала, а тонкими струйками стекала дождевая вода.

Вот так, вытираяющим голову, и появился он в гостиной дома Николая Петровича Северова, торжественно встречавшего его вместе с дочерью Маргаритой. Эффект от полотенца получился почти что театральный. Сняв полотенце как маску с лица – оп! – неожиданно для самого себя предстал перед той самой экзальтированной особой, с которой лишь пару часов назад пообщался на набережной. Видимо, прогулка была недостаточно длинной – надо было через яхт-клуб идти, – потому что самообладание покинуло его. Услышав слова профессора «Это моя дочь Маргарита», еще больше стушевался и отвел взгляд, как какой-то мальчишка-подросток. Нервно сглотнул. Но все же довольно быстро взял себя в руки, собрался. После небольшой вынужденной паузы улыбнулся, открыв обворожительной улыбкой ровные белые зубы, и произнес:

– А я думал, что ваша дочка маленькая. Я ей котенка принес.

Он поспешил вынуть из-за пазухи шевелящийся комочек, заботливо завернутый в кашемировый шарф. Тут же из мягкого убежища показалась рыжая мордочка. Затем как ни в чем не бывало перевел взгляд на Маргариту, на лице которой и мускул не дрогнул, и спросил:

– Как вы назовете его?

– Бобик. Я воспитаю его как собаку, и он будет меня защищать. В этом городе мне без защитника не обойтись.

Впрочем, важнее было не то, что она сказала, а как. Ее глаза лихорадочно блестели, а на мягких губах отпечаталась бескомпромиссная улыбка.

– Что ты говоришь, Рита, – встрял Николай Петрович, уже успевший налиться нервным багрянцем. В его выцветших глазах читалась мольба. – Нельзя вот так встречать доброго, почетного гостя – тем паче когда эта встреча первая.

---

⁶ Сладкое ничегонеделанье (итал.).

– А вот и не первая, папа. Нам уже представился случай познакомиться. Причем при самых неприглядных обстоятельствах. Иван Григорьевич прямо на набережной, при многочисленных свидетелях ударил человека, воспользовавшись своей властью и положением. Человека маленького, неспособного в силу своего зависимого положения дать хоть какой-то отпор. Дрожащего от страха и унижения. Он...

Николай Петрович не дал дочери договорить:

– Рита, что с тобой? Остановись! Умоляю, остановись...

– Нет-нет, пускай продолжает. Это замечательно, что у вашей дочери есть свое мнение, пусть и ошибочное, – произнес Иван Иноземцев, гордо вскинув подбородок и расправив плечи.

«Тоже хорош гусь, – подумал окончательно сникший Николай Петрович. – Вернее, мокрая курица, а туда же, петушится». Ну а распалившуюся Маргариту теперь вообще ничто не могло остановить:

– За разрешение спасибо. Но я в нем не нуждаюсь. Если решила что-то сказать, то непременно так и сделаю. Хотя я, собственно, сказала все, что хотела. Надеюсь, у вас найдется, что сказать в свое оправдание.

– Оправдываться перед вами или перед кем-то еще я не намерен. Но у меня, безусловно, есть что сказать. Я ни о чем не жалею. Разве что о том, что вы помешали мне его проучить еще раз. Боюсь, что науку с первого раза он не усвоил.

– Даже так?

Иноземцев заговорил быстро и твердо, не обращая внимания на внезапный приступ астматического кашля, обрушившийся на столичного профессора:

– Именно так, и никак иначе. От такого вот безрассудства в прошлом году погиб человек, был изрублен винтами моторной яхты. И не где-нибудь, а в зоне городского пляжа, предназначенной для купания. У него остался сын Петя двенадцати лет. Мама мальчика погибла три года назад под колесами автомобиля, которым управлял пьяный водитель. После того случая мы весь город перекроили. Лучших специалистов позвали. Некоторые улицы объявили пешеходными зонами, обезопасили пешеходные переходы, понаставили видеокамер. С тех пор ни одного подобного случая не было. Но это не уберегло отца Пети. Мальчика пришлось отправить в североречинский детский дом. Я навещал его там несколько раз – впечатление удручающее. Собственно, благодаря Пете у меня и возникла идея открыть математический интернат. У пацаненка редкие способности. Так что, Николай Петрович, Петр Устюгов будет одним из ваших учеников. Надеюсь, что одним из лучших.

– Не только моим учеником, но и учеником моей дочери, – дрогнул голосом Николай Петрович, безвольно опустив худые руки. – Я писал вам, что подыскал квалифицированного преподавателя английского языка. Так вот – прошу любить и жаловать: это моя дочь Маргарита Николаевна. Училась в Англии. Помимо английского, владеет еще французским и китайским. Надеюсь, вы не будете возражать? – его голубые в симпатичных морщинках глаза взирали с такой мольбой, что остаться равнодушным могло только сердце из самого твердого камня.

– Напротив, я очень даже рад вашему выбору. К сожалению, педагогический коллектив у нас получился преимущественно мужской. Для ребят же важно, чтобы рядом была женщина, излучающая материнское тепло, способная их понять, согреть, защитить. В чем-чем, а в способности вашей дочери встать грудью на их защиту я нисколько не сомневаюсь.

– Я даже и не знаю, как мне отблагодарить вас, Иван Григорьевич.

– Не стоит благодарить меня, – было похоже, что подобоострастный тон, на который настроился профессор, был Иноземцеву не по нутру. – Да, мы совсем забыли про котенка. (Бобик уже успел задремать у него на руках.) Это подарок для вас, Маргарита Николаевна.

Возможно, Иноземцев потревожил спящее животное слишком резко, но Бобик вдруг рванулся и пополз вверх, к шее Ивана, цепляясь когтями за его рубашку и оставляя тонкие царапины на коже – как кровяные ниточки.

Профессор Северов забеспокоился, начал звать Дусю. И минуты не прошло, как в гостиной появились перекись водорода и зеленка. Нанести зеленый орнамент на грудь и шею Иван Иноземцев решил не сразу. Но слова Николая Петровича о кошачьем бешенстве, видимо, возымели действие. Щедро смочив ватный тампон зеленкой, начал медленно и методично смазывать полученные раны. Причем сначала царапины, в которых был повинен отнюдь не Бобик.

Когда стало ясно, что Иноземцев увлекся заботой о своих ранах (слабость, свойственная многим представителям сильной половины человечества), Маргарита уловила момент и получше рассмотрела его. И сделала это непредвзято, на время закрыв глаза на имевшие место проявления необузданного характера вольногорского безумца.

И что же? Очевидно, что не красавец. Но все же привлекателен. Несомненно, привлекателен. Живые карие глаза (один из которых разок как будто отвлекся от ран и коснулся на нее) и непослушные каштановые волосы придавали его облику определенную мягкость (тут же решила: мягкость эта обманчивая). Высокий лоб, впрочем, тоже говорил в его пользу. А вот острый подбородок и строгий нос были вполне под стать характеру – тут уж ошибки быть не могло. Хотя и широкоплеч, но сухощав, с несколько истощенным видом, что, однако, придавало некую изысканность его облику и вполне могло бы найти отзвук в сердобольном женском сердце – хотя бы от желания его подкормить (но это, скорее, к Дусе).

Вот, собственно, и всё. Больше ничего особенного рассмотреть не успела, потому что раны Иноземцев смазал довольно быстро. Отдав Дусе зеленку, опять вернулся к вопросу о Бобике. Теперь уже осторожно, мягкими движениями взял кота и протянул его Маргарите:

– Постарайтесь не разбудить, – тихо проговорил он, приветливо улыбнулся и зачем-то добавил: – В нем зверя.

Принимая Бобика, Маргарита невольно, сама того совершенно не желая, не предполагая и, соответственно, не планируя, коснулась пальцев Иноземцева. Они были сухими, горячими. Чтобы погасить возникшую неловкость, воспользовалась ситуацией и отнесла Бобика на кухню. Налила теплого молока (сначала сама попробовала, не скисло ли) и покрошила в него немножко хлебного мякиша. Котик был основательным и трудолюбивым. Не отошел от миски, пока все не съел. Потом неожиданно длинным языком облизнул белые от молока усы, тоже несоразмерно длинные.

Когда Маргарита вернулась в гостиную, Иноземцев разжигал камин, встав коленками на пол и приветствуя профессорскую дочь розовыми пятками (напрочь промокшие туфли стояли рядом). Впрочем, затея разжечь камин была очень кстати. Дом, в котором несколько месяцев никто не жил, немного отсырел и продрог.

Дуся копошилась, накрывая на стол. Николай Петрович позабыл о недавнем конфузе из-за Маргариты и, твердо усевшись на своего верного конька, делился с дорогим Иваном Григорьевичем взглядами на образование юношества, с воодушевлением похрустывая ароматным огурчиком домашней засолки:

– Уважение к ученику, друг мой, прежде всего в требовательности к нему и в безграничной вере в его потенциал. Коллега с психологического факультета рассказывал мне о несколько жестоком, с моей точки зрения, эксперименте, который проводили американские ученые лет тридцать тому назад. Протестировали группу учеников. Затем, намеренно умолчав о результатах тестов, произвольно разделили учеников на потенциальных гениев и бездарей, выдав эту информацию за результаты тестов и щедро поделившись ею с педагогами. И что же вы думаете? Когда через полгода опять протестировали ту же группу, с удивлением обнаружили, что те ученики, которых объявили гениями, совершили настоящий прорыв в обучении, а названные бездарями – таковыми и стали. А вывод здесь, друг мой, напрашивается только один. Если педагог не верит в своего ученика, не подбадривает его постоянно, то и тот, скорее всего, в себя не поверит и далеко не пойдет.

– Выходит, детей надо чаще хвалить, – поддержал профессора Иноземцев.

– Непременно, друг мой, непременно. Да и ругать можно по-разному. Можно, к примеру, обозвать ребенка тупым и ни на что негодным. Большинство наших соотечественников именно так воспитывают своих чад. А можно поругать и по-другому, в позитивном ключе: мол, что же ты, такой способный и умный, поленился, не показал себя. Собственно, только так, в позитивном ключе, и позволительно ругать ребенка. Доверьтесь моему обширному педагогическому опыту, Иван Григорьевич. Вы даже не представляете, скольких выдающихся математиков я воспитал за почти три десятка лет. Некоторые с мировым именем. К сожалению, в России мало кто остался. Но они еще вернутся, непременно вернутся. Я вам обещаю.

Затронутая тема была явно близка Николаю Петровичу, и он долго, в деталях рассказывал о своих школьных и университетских годах, но больше всего – о своих геракловых свершениях на педагогическом поприще. Надо сказать, что если он и преувеличивал, то только самую малость, поскольку такие педагоги от Бога, как он, в любые времена были в огромнейшем дефиците. Как говорится, второго такого и в солнечный день не сыскать с самым мощным фонарем.

Вот вроде бы таблица умножения – скучнейшая, простейшая штука, но сколько адского мучения приходится перенести, чтобы ее выучить. По методе Николая Петровича на всё про всё уходили один-два урока. Всё так разъяснит, образные картиночки нарисует, что, как говорится, бездушный камень усвоит и запомнит на всю жизнь. Пускай это было не главное его достижение, но как раз то самое, которое может по достоинству оценить и самый неискушенный в математической науке товарищ, ибо тут же воскресит в памяти солоноватый вкус детских слез, пролитых над этими коварными столбцами на обложке двухкопеечной тетрадки в клеточку.

Словоохотливому настроению московского профессора в немалой степени способствовали холодненькие, запотевшие графинчики с кедровухой и калганом. И если профессор замолкал на минуту-другую, то это легкое замешательство было связано исключительно с трудностью выбора между этими двумя самобытнейшими русскими настойками. Какая ведь заповедь: всегда лучшим кажется то, от чего откажешься. Что-то подобное говорил Сенека. Или кто-то еще.

Иноземцев слушал Николая Петровича с интересом, не упуская при этом возможности изредка украдкой поглядывать на Маргариту.

После того как разгорелся камин, в комнате стало жарко. Маргарита сняла шаль и бросила себе на колени. Она сидела полубоком к Ивану Иноземцеву, и он, сам того не желая, обратил внимание на то, как ладно она сложена: длинная белая шея, покатые плечи, гибкая фигура. Он старался убедить себя, что она ему совершенно не нравится. Таким образом он пытался успокоить себя и избавиться от неприятного чувства, что, пока он смотрит на нее, с трудом сдерживая восхищение, она не обращает на него ни малейшего внимания, презирая его за злополучное происшествие на набережной и, скорее всего, считая разбогатевшим купчишкой средней руки. Точнее, лапотником со средствами.

Бедный Иван Григорьевич даже в лице изменился, побледнел. Несколько раз собирался встать и уйти, но Николай Петрович, наконец-то найдя благодарного слушателя, униматься не собирался и вспоминал всё новые и новые истории из своей интеллектуально насыщенной детской, юношеской и профессорской жизни.

Когда Иван Иноземцев подошел, чтобы попрощаться, Маргарита едва кивнула ему. Он второй раз кряду почувствовал себя смущенным и застенчивым. Впрочем, ему было невдомек, что в данном случае реакция Маргариты была лишь неуклюжей попыткой компенсировать излишнее подобострастие отца.

Невежливость дочери профессор Северов особо строго осуждать не стал, хотя ему не нравилось, что Маргарита недооценивает его нового друга. Буркнул лишь себе под нос: «Могла бы быть пообходительнее. От учтивых слов язык не отсохнет». Но в голосе его не было ни

злости, ни излишней назидательности. Надо сказать, в этот день Николай Петрович находился в экстатическом состоянии и был решительно не склонен к конфликтам, будь то по причине чародейского запаха дома, целебного воздуха или исключительной настоячки домашнего производства. *Entre nous soit dit*⁷, он был немного эпикуреец, ибо вряд ли бы мог добровольно отказаться от множества замечательных удобств жизни и ее гастрономических радостей.

Дополнительный бальзам на душу лился прямо из приоткрытого окна. Бальзам успокоительный, целебный и живительный. Где-то совсем рядом серебристый женский голос выводил:

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другим не любить
Никогда, никогда.

Как бы там ни было, Николай Петрович давно не ощущал себя так хорошо и покойно. Будто майский день, именины сердца.

Возвращаясь из Нагорной Слободы к дому на набережной, Иван Иноземцев сознательно дал кругалю – выбрал самый длинный и извилистый путь, через яхт-клуб.

Дождь прекратился. Солнце предпринимало слабые попытки пробиться сквозь тучи, но силы в этот день были явно на стороне туч. Терапевтический эффект от прогулки не оправдал ожидания Ивана. У яхт-клуба присел на лавочку, пытаясь рационально оценить сложившуюся ситуацию. Пришел к выводу, что всему виной какое-то помрачение рассудка, связанное с появлением в городе Маргариты Северовой.

Подключил ресурсы логики: она, конечно, хороша собой, умна, ведет себя независимо, смело. Это привлекает. Но, с другой стороны, он всегда следовал принципу «держать в голове первое впечатление о человеке», пусть мимолетное, интуитивное, возникшее на уровне подсознания. Восстановил в памяти все детали встречи на набережной. Первое впечатление от Маргариты Николаевны Северовой было не в ее пользу. Набросилась с горящими глазами, как бешеная львица.

Еще раз взглянул на царапины. Действительно, всё так и есть. Типичная бешеная львица. Или, вернее, чума бубонная. А еще злая фурия и мегера. Внутри как будто отпустило, отлегло. И слава Богу!

С чувством внутреннего удовлетворения встал, чтобы спокойно продолжить путь. Машинально бросил взгляд на красавицу-реку. И тут же опять приземлился на лавочку, потому что вспомнил.

А вспомнил он, что первое впечатление от Маргариты Северовой было совсем другое. Он подплывал к берегу на гимсовском катере. Весь мокрый, раздраженный. И вдруг увидел ее. Она сидела на лавочке и смотрела в его сторону. Ветер раздувал ее золотистые волосы, пытаясь закрыть лицо. Ему показалось, что тогда он поймал ее взгляд. И взгляд этот был теплый, незащищенный, открытый.

От этого воспоминания внутренняя гармония порушилась в два счета. Сердце, уже начавшее биться спокойно и размеренно, сначала – всего лишь на какое-то короткое мгновение – заулыбалось, забарабанило празднично, а потом вдруг как будто ухнуло куда-то, зануло.

Выходит, в гармонии с собой может пребывать лишь человек беспамятный.

С этими мыслями беспокойно проворочался всю ночь, тщетно пытаясь усилием воли заставить себя заснуть.

---

⁷ Между нами говоря (фр.).

Маргарите в ту ночь тоже не спалось – правда, совсем по другой причине. После неспокойной Москвы, где все гудит, грохочет, тарахтит и беснуется сутки напролет, никак не могла привыкнуть к провинциальной тишине. Такая тишина – настоящая музейная вещица в наши непростые времена. А когда сон все-таки подкрался и почти сморил ее, по давней детской привычке прошептала: «Сплю на новом месте – приснись жених невесте». Поутру, едва пробудившись ото сна, тут же вспомнила глупую присказку, а также то, что кого-то во сне она все-таки видела. К ее величайшему сожалению и огорчению, никак не могла вспомнить его лица. Но на Гарри не похож. Определенно не похож.

Ну ничего. Собственно, неплохо и то, что вообще кто-то объявился.

Глава третья, в которой появляется письмо в конверте

*На милочке рубашка
Нова – розовый сатин.
Только он мне из всей публики
Понравился один.*

Справедливости ради надо отметить, что Иван Иноземцев не показался Маргарите человеком неинтересным или простым. Скорее неординарным и противоречивым. С одной стороны, была в нем подкупающая приветливость и внешняя мягкость – в пользу такого суждения свидетельствовал его подарок, то есть Бобик. Укутал животное в теплый шарф, тащил за пазухой, защищая от дождя. С другой стороны, его голос, манера держаться (не говоря уже об эпизоде на набережной) безошибочно определяли его как человека решительного, самоуверенного и властного.

Одним словом, субъект весьма и весьма любопытный для человека, интересующегося вопросами практической психологии.

Решила за ним понаблюдать – исключительно в познавательных целях. Такой случай представился весьма скоро, на следующий же день после первой встречи. В школе был назначен сбор педагогического коллектива, на который была приглашена и Маргарита, что, собственно, вполне естественно. И, конечно же, там должен был присутствовать Иван Иноземцев, в чем, впрочем, тоже ничего противоестественного не было, ибо время и место для педагогического сбора назначал именно он: в восемь утра, в собственном доме на вольногорской набережной.

Поскольку сбор был самый что ни на есть ранний, проснулась Маргарита ни свет, ни заря. Даже еще раньше – минут за тридцать до будильника. Быстро привела себя в порядок, выпила чашечку крепкого кофе. А вот выбор одежды занял чуть больше времени. Строгий деловой костюм не подходил ни ко времени, ни к месту сбора. Нужно было что-то из разряда *smart casual*⁸. Перебрав с десятков вариантов, сделала окончательный выбор: светло-сиреневая блузка, прямая юбка с красивым ремнем, туфли на невысоком каблуке. Из украшений – только скромные золотые сережки. Волосы подобрала в аккуратный пучок. Взглянула на себя в зеркало – любо-дорого посмотреть. На учительницу очень даже похожа. Жаль, ее усилия не мог сразу оценить Николай Петрович, убежавший намного раньше – не столько из практической надобности, сколько от нервов.

Окончательно войдя в образ, к дому на набережной подошла вовремя и не спеша, чем, если честно, раньше не грешила. Дверь в дом была настежь открыта и немножко покачивалась от ветра. Не к добру, решила Маргарита. В пасть дверного проема шагнула уже менее уверенно. Слава Богу, в коридоре столкнулась с милой приветливой женщиной лет пятидесяти пяти. Ухоженная, подтянутая, с прямой спиной и гордо расправленными плечами.

– Маргарита Николаевна Северова, учитель английского, – Маргарита с трудом выговорила свое отчество, поскольку вряд ли употребляла его ранее. Но в целом это было неплохое начало: ей понравилось, что голос подстроился под образ и звучал твердо, уверенно.

– Елизавета Алексеевна, – приветливо улыбнулась новая знакомая. Эта улыбка пришлась Маргарите по душе, а потому тон машинально сменила с деловитого на теплый, искренний:

– Очень приятно. Вы какой предмет будете преподавать?

---

⁸ Элегантная повседневность (англ.).

– Я свой предмет уже отпреподавала, воспитав единственного сына. Я мама Ивана Григорьевича Иноземцева. А вы проходите, Маргарита Николаевна, не стесняйтесь. Все уже собрались.

Участливо взяв оторопевшую было Маргариту под руку, Елизавета Алексеевна проводила ее в большую гостиную с французскими окнами, смотревшими на реку.

Действительно, народу набралось уже человек двадцать пять, в основном мужского пола. Возраст – лет от двадцати пяти до шестидесяти. Пара человек возрастом были лучше шестидесяти. Форма одежды – произвольная, то есть кто к чему привык. Но в основном по-интеллигентски обтерханная. Хотя были и исключения, к которым Маргарита с сожалением отнесла и себя, поскольку не любила сильно выбиваться из доминирующего тренда.

Ряды из деревянных стульев хитроумного дизайна, поставленные полукругом, пока пустовали. Педагоги, потягивая чай и кофе, шушукались, объединившись в небольшие группы по интересам. Кстати, появление Маргариты ни у кого интереса не вызвало. «И слава Богу», – порадовалась она. Но, видимо, порадовалась рано. Потому что тут же от одной из шушующих групп отделился Иван Иноземцев и, учтиво кивнув Маргарите, громко возвестил:

– Маргарита Николаевна подошла. Можно начинать.

В словленных тут же взглядах будущих соратников прочитала недвусмысленное послание «А не слишком ли много чести, барышня?!». Чтобы далее не искушать педагогический коллектив, выбрала самое скромное место, невыигрышное – сбоку, в уголке. С другой стороны, это местечко было самое что ни на есть наилучшее, потому что не простреливалось взглядами коллег, устремленными на Ивана Григорьевича и Николая Петровича. Кстати, сама Маргарита могла беспрепятственно наблюдать и за коллегами, и за этими двумя. Впрочем, если начистоту, Николай Петрович интересовал ее мало. А вот Иноземцев был сегодня очень даже интересен, поскольку предстал в виде прямо-таки преображенном. Каким, собственно, она видела его до сих пор? На набережной – взбеленившимся, мокрым, непрезентабельным. У себя дома – уже спокойным, но опять-таки мокрым и непрезентабельным.

Сегодня же Иван Григорьевич Иноземцев предстал во всей красе. Он тоже выглядел как будто *smart casual*. Без галстука. Безупречная белая рубашка (верхняя пуговица вальяжно растегнута), образцово сидящие темно-серые брюки. Обувь рассмотреть не удалось (мешала раскачивающаяся нога Николая Петровича в черном ботинке-«аэроплане»), но можно было не сомневаться, что и она тоже вполне соответствующая – не сандалии и не кроссовки с белыми носками.

Изучение Иноземцева оказалось занятием увлекательным, поэтому слушала выступление Николая Петровича в пол-уха. Встрепенулась, когда это самое ухо все же уловило слова «Вы должны наполнить ум учеников целебным бальзамом просвещения». Все не могла представить, как это. Точнее, представила, но получилось что-то в стиле неистового Сальвадора Дали.

Из созерцательного состояния вывели легкое дружеское похлопывание по плечу и защекавший ухо шепот:

– Ваша очередь, уважаемая.

На колени к Маргарите мягко опустился альбом с благопожеланиями школе от ее первых учителей. Получалось, что все уже отметились (видимо, еще до начала собрания), – большая часть страниц была исписана. На свободной странице предусмотрительно лежала закладочка. Только закладочка эта была занятная. По сути – письмецо в конверте. Необычность была и в том, что печатными буквами было накарябано: *Северовой Маргарите Николаевне*.

На любовное послание не похоже.

Открыла. Впилась глазами в неровные буквы. Пошла красными пятнами. Уж чего-чего, а выдержки ей было не занимать. Но слова «Не пялься на него. Он не твой» могли вывести из себя кого угодно. Даже Маргариту Северову.

Для восстановления самообладания применила испытанный способ – стала следить за своим дыханием. Представила, будто только что проснулась, – поутру дыхание глубокое, ровное. Заставила себя задышать спокойно и размеренно – по-утреннему. Когда число умиротворенных вдохов-выдохов достигло двадцати, почувствовала, что сердце возвратилось из горла на место и присмирело.

Слава Богу, поостыла, успокоилась.

Интерес к Ивану Иноземцеву перебрался на второй план. Весьма любопытны стали проныцательные сотоварищи. А лучшего момента, чтобы к ним внимательно присмотреться, и быть не могло: начались выступления членов педагогического коллектива. Речи произносили по-разному, но каждый второй целился преданным взглядом на Иноземцева, норовя масляным блином в рот влезть. Их видение развития школы Маргариту, конечно, искренне волновало, но только не сейчас. Необходимо было вычислить каверзного интригана.

Только вот кто он?

Заговорил добропорядочный физик Дмитрий Иванович Цариотов. Сутулый интеллигент в летах. В мешковатом костюме с пузырящимися рукавами. Любимый школьный учитель Иноземцева. Приехал за ним из самой глубины сибирских руд. Судя по блаженному выражению лица, желанная пора, обещанная Пушкиным, для него уже пришла. Когда говорит, обращается исключительно к Ивану Григорьевичу, как будто других просто нет. Смотрит на ученика с непритворным обожанием. Иногда переводит довольный взгляд на часы. Известно почему! Николай Петрович все уши прожужжал: Иноземцев подарил старому физику часы Omega. Опять-таки выходило по Пушкину: «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». М-да... Мог ли почтенный, уважаемый Дмитрий Иванович Цариотов оказаться старым лукавцем – автором записки? Не похоже, конечно, но не факт. Недаром часы, как у Джеймса Бонда.

Аристарх Павлович Оболенский, биолог. Сам как редкий заморский цветок. Или тропическая бабочка. Пиджачок клетчатый, платочек на шее, улыбается идеально выбеленными зубами. Коренной вольногорец. Согласно данным Николая Петровича, женат на молоденькой танцовщице. Интриган? Скорее щеголь, сноб. Хотя, собственно, письмецо накарять мог.

Владлен Амбаров, литератор (отчество от всех старательно скрывает). Закончил аспирантуру питерского университета. Харизматичен, молод, чертовски красив, энергичен. Волосы черные, кудрявые. Глаза черные, круглые. Склонен к эпатажу, театральности. Встал, громко отодвинув стул. Паузу выдержал. Представился: «Не Бенкендорф и не Уваров, а доблестный Владлен Амбаров». Речь витиеватая. Говорит как пишет. За эпитетами и метафорами истинные мысли не разберешь. Мог? Этот, конечно, мог. Вполне. Причем не ради конкретной выгоды, а просто для лицемерия театрального эффекта. Но только вот сидит он ближе всех и вряд ли стал бы писать подметное письмецо у нее под самым боком. И еще: неясно, каким ветром этого античного полубога в Северное Заречье задуло. Не иначе как Борей подсуропил.

Василий Гаврилович Кудюмов, историк. Великорусский основательный череп, не скованный волосами. Видать, Бог за мудрость лба прибавил. Мясистое лицо как топором вырублено. Когда смеется, кадык ходит как поршень. Вспомнив, что кадык еще называют Адамовым яблоком, Маргарита испытала некое щемящее чувство, не удержав свое воображение от создания картинки: как Адам подавился яблоком, полученным от Евы. Усилием воли прогнала глупые мысли о яблоке, застрявшем в горле, и продолжила деликатное изучение Кудюмова. Под пиджаком не обычная рубашка, а косоворотка. Очевидно, толстовец. Оттого, наверное, и переехал из Москвы в провинцию – поближе к народу простому, незалаченному. Осталось косу в руки – и в чисто поле. Постоянно улыбается, обнажая мелкие острые зубы, пару раз по-свойски подмигнул. Это в какой-то мере радует. Но во взгляде есть что-то крапивистое, готовое ужалить, укусить. Не исключено, что это только показалось. Как говорится, у страха

глаза велики. На всякий случай решила быть с ним осторожнее. С ролью каверзного интригана справился бы легко. Вот только зачем это ему?

Поиски «преступника» получались абсолютно бесплодными. Любой мог быть на месте коварного письмотворца, но очевидного, лежащего на поверхности мотива не было ни у кого. Дальше изучать соратников по педагогическому цеху не было никакой душевной и физической возможности. Но самое досадное было вот что. На всех коллег стала как-то сама собой лепиться маска коварного, хитроумного врага. А вот это недопустимо. Лучший способ испортить отношения – начать думать о человеке плохо. Тот самый случай, когда взаимности долго ждать не придется.

Катастрофически захотелось глотнуть свежего, очищающего воздуха. Решила незаметно ретироваться. И случай опять-таки представился. В тот момент, когда зал дружным хохотом искренне поддержал очередную шутку местнотимого Ивана Григорьевича (он был просто в ударе!), незаметно поднялась и засемила к выходу. Очутившись в проходе, обрадовалась. Только радоваться – в который уже раз – было рано. Проход этот вел не к спасительному выходу, а, как оказалось, на кухню. Ну ничего. Кухня так кухня. Тоже неплохо.

Вошла тихонечко и увидела подростка, сидящего за кухонным столом. Мальчик невысокий, худенький, плечики узкие. Но аппетит варварский. Один за другим закладывал в рот румяные пирожки, источавшие запах настоящего домашнего счастья, и заливал их деревенским молоком. При этом что-то аккуратно записывал в тетраточку. Выражение лица у него было блаженное. На появление постороннего человека не обратил ни малейшего внимания.

Маргарита присела рядышком:

– Тебя как зовут?

– Меня? Петр Устюгов.

– Что пишешь?

– Задачки решаю.

– Кто тебе задачки на лето задал?

– Никто. Я сам их придумываю и решения записываю. Потом Ивану Григорьевичу задам. Пускай помучается. Но он хорошо решает. Он в математике дока.

Маргарита улыбнулась улыбкой задумчивой и ласковой. Почему-то ей было приятно, что Иноземцев на досуге решает задачки, придуманные мальчиком, который любит пирожки.

– А я, если честно, в школьные годы математику недолюбливала. Как мне сейчас кажется, исключительно из чувства противоречия: мой папа всю жизнь преподает математику. На меня задачки всегда наводили смертную скуку.

Маргарита осеклась, осознав, что разговор потек в непедagogическом направлении. Но Петя, к ее удивлению, скептицизма по отношению к математической науке не разделил; даже совсем наоборот:

– Может, оно и неправильно звучит, но задачки из математики для меня чем-то на молитву похожи. Когда думаешь над задачкой, что посложнее, – время будто замирает. Никакая посторонняя мысль в голову не пролезет. На душе спокойно, хорошо! По-моему, это и есть счастье. Когда мне плохо или грустно, я беру один из задачников, что мне папа покупал, и решаю все задачки подряд. К сожалению, нерешенных там совсем немного осталось. Хотите, я вам свою задачку задам?

Маргарите очень захотелось прогнать из головы ненужные мысли и тем более почувствовать себя счастливой. Поэтому тотчас же согласилась.

Видимо, Петя был не слишком высокого мнения о ее способностях, поэтому первая задачка была достаточно легкая. Вторая посложнее. Глаза у Пети азартно заблестели. Где-то на пятой задачке он Маргариту Николаевну зауважал. Налил ей молока и придвинул блюдо с оставшимися пирожками.

– После, – нетерпеливо сказала Маргарита, – сначала задачки давай.

Пару раз она споткнулась, но Петя тактично направил ее мысль в правильное русло. Как-то само собой вышло, что *все* мысли действительно потекли в гармоническом направлении, оставив в стороне подметное письмецо и коллег-единомышленников. На душе стало спокойно, хорошо.

– Знаешь, Петя, а ты прав. В этом действительно есть какое-то чистое счастье.

– Счастье в чем? – на пороге стоял Иван Григорьевич Иноземцев, вольготно облокотившись локтем о дверной косяк.

Надо сказать, что Иноземцев не сразу подал голос. Не смог отказать себе в удовольствии понаблюдать пару минут за занимательной картинкой. Узрев довольную, с некой хитрецей мину на Петином лице, сразу догадался, что означает эта неожиданная мизансцена. И она ему, собственно, пришлась по душе. Маргарита сидела на стуле, поджав под себя босые ноги. От умственного напряжения крепко зажала в зубах карандаш. Сосредоточенная, деловая. Но, в сущности, девчонка. Определенно – маленькая, беззащитная девчонка.

Глава четвертая, в которой рассказывается о зизифусах и мандрагорах

*Ягодинка, вашей мамке
Не давай меня клясти.
Не судьба – так не сойдемся,
А судьба – не развестись.*

Следующие две недели прошли как в забытьи. Маргарита и предположить не могла, что ее так поглотит школа – просто накроет с головой, как океанская волна. Возможно, и не поглотила бы, если бы у Николая Петровича были хоть какие-то директорские способности. Гладко выходило только на бумаге – в реальной жизни профессор большей частью цитировал, разрабатывал замысловатые, мудреные стратегии, вступал в многочасовые диспуты с педагогами, а к приземленным деталям дела был малочувствителен и даже глух. Репутацию профессора Северова надо было незамедлительно спасать.

Все началось с того, что Николай Петрович весьма опрометчиво пригласил дочь на официальную приемку здания школы. И тут Маргариту опять понесло. Выяснилось, что под спальни выделены самые холодные комнаты, а вот технические службы и администрация – в тепле и уюте. Не успокоилась, пока все не перевернула вверх дном. Дальше – больше. На себе проверила, что школьный повар готовит откровенную отраву. Пришлось срочно искать другого.

А уж когда начали заезжать первые ученики, ей просто удержу не было. Все проверяла, во все совала свой нос, торчала в школе допоздна, а в выходные опять-таки шагала на работу как на праздник. Ей начало казаться, что жизнь обретает невиданные ранее краски, а потому боялась чего-то упустить, просмотреть. Исхудала, осунулась. Профессор Северов был сам не рад. Пришлось воспользоваться своим отцовским авторитетом и в приказном порядке заставить Маргариту отдыхать по воскресеньям. Весьма кстати нашлась и приманка: на воскресной службе в Покровском храме поет дивный хор: голоса ангельские, до мурашек пробирает. Маргарита раз сходила и втянулась, утренних служб с тех пор не пропускала.

В погожие осенние дни ее любимым занятием после воскресной службы стали неспешные прогулки по вольногорской набережной. Ласково светило солнце. С реки дул славный ветерок, точно радуясь чему-то и гоня золотые листья берез по дорожке, которая была проложена прямо у кромки воды. Каждый раз Маргарита останавливалась в прибрежной кофейне – правда, обычно предпочитая не кофе, а чай. Русский черный чай здесь подают в полузабытых стаканах с подстаканниками. Есть еще турецкий (по рецепту 1877 года, в стаканчиках-армудах) и казахский чай на молоке, в пиалах. Из вкусовностей – шанежки, ватрушки и деревенский сливочный сахар собственного приготовления.

В этот раз Маргарита остановила свой выбор на казахском чае, не отказав себе и в удовольствии отведать сливочного сахарку. Выйдя на набережную, решила еще немножко побаловать себя и купила два шарика шоколадного мороженого. Наслаждаясь жизнью и мороженым, она с полублаженной улыбкой продолжала путь, когда вдруг, внезапно-негаданно, услышала свое имя.

Повернувшись, увидела любимую маму Ивана Иноземцева, стоявшую на пороге дома с колоннами. Спустившись по ступенькам, Елизавета Алексеевна бодро подошла к Маргарите, помедлила секунду-другую и, будто наконец-таки на что-то решившись, приобняла ее. От этого объятия ощущение получилось мягко-душистое. Мягкое – от прикосновения пушистого сви-

тера из ангорки, а душистое – от тонкого аромата духов. Запах был Маргарите хорошо знаком. Эти духи – *Soir de Lune* – любила мама. Аромат и цитрусовый, и цветочный, и сандаловый, и медовый одновременно. Аромат очаровательной зрелости.

– Я вам показывала мои растения? – промолвила Елизавета Алексеевна и ласково улыбнулась. Зубы у нее были не по возрасту белые и крепкие.

– Нет, но с удовольствием посмотрю, – бодро улыбнулась Маргарита в ответ.

Вошли в дом – не через парадный вход, а через небольшую неприметную дверцу. Проследовали тоскливым темным коридором, за которым была еще одна дверца, тоже неприметная. Как только она отворилась, глаза вдруг ослепил пронзительный свет, пахнуло бананово-лимонными тропиками: влажный теплый воздух был пропитан затейливой смесью запахов цветов, сырой земли и еще каким-то незнакомым пряным ароматом. Ну чем не райские кущи!

Елизавета Алексеевна не ограничивалась лишь простым перечислением растений. За кратким ботаническим описанием очередного представителя флоры неотвратимо следовал рассказ о местах распространения, условиях выращивания, медицинском применении и даже токсичности, если таковая имела место быть.

– Вот здесь у меня араукария, дальше диффенбахия, спатифиллум, мединилла, замиокулькас.

По поводу лечебных свойств всей этой зелени у Маргариты, конечно же, возникли сомнения, но сдержалась, вежливо промолчала. Хотя и подумала: ну в то, что аморфофаллус снижает уровень сахара в крови, поверить можно, поскольку легко проверить опытным путем. Но вот каким образом установили, что диффенбахия повышает вероятность зачатия, вообще непонятно. Или как белые фиалки лечат депрессию? Или каким образом амариллис может поспособствовать счастливому замужеству? Весьма сомнительно. Впрочем, кто его знает. Каких только чудес не бывает! На всякий случай, проходя мимо амариллиса, легонько коснулась его розовых цветочков рукой.

На замиокулькасе у Маргариты появилась некоторая обреченность во взгляде, в организме включились защитные механизмы, и она начала отключаться. Быстро уловив затухание интереса, хозяйка добавила голосу густоты и твердости:

– А вот там цитрусовые... Ну хорошо, пойдемте смотреть историческую часть.

Преодолев симпатичный мостик, проложенный через небольшой водоем, в котором сидела черепаха, очутились в уютном закутке.

– Здесь у меня собраны растения, упомянутые в Библии, – с легкой гордостью объявила Елизавета Алексеевна, изящно взмахнув рукой. – Не все, конечно. Вот зизифус, из которого был сделан терновый венец Христа.

Маргарита дотронулась до острой колючки – больно укололась. Подумала: «Я бы дома такой цветок выращивать не стала». За зизифусом следовали миниатюрный кедр, смоковница (а попросту инжир, известный наиболее продвинутым ботаникам и как фиговое дерево) и даже мандрагора (кто бы мог подумать, что это не выдумка Джоан Роулинг). «Для полноты коллекции надо бы полынь и чечевицу посадить», – мелькнуло в голове у Маргариты.

За библейскими растениями были растения-подарки (тоже предмет нешуточной гордости Елизаветы Алексеевны).

– Кстати, эта красавица-азалия – знак внимания от Николая Петровича, вашего отца («Уф, успел отметить», – подумала Маргарита.) А вот эту эхмею мне подарил один сенатор, он часто у нас отдыхает. Она цветет только один раз. Мне кажется, что скоро зацветет. Не сомневаюсь, что зацветет.

Елизавета Алексеевна без устали порхала по оранжерее. Глаз горел. Голос пел. Морщинки на лице разгладились. «Выходит, какой-то лечебный эффект у всей этой зелени все-таки есть», – сказала себе Маргарита.

– Это небольшое оливковое дерево Ване подарил Моисей Борисов – он несколько раз был в нашем городе на гастролях. Почему-то засохло. И уход был по всем правилам. Придется выбросить. А жаль. Очень жаль.

Маргарита задумалась. Борисов был славен нетрадиционностью сексуальной ориентации. «И он дарит подарки Иноземцеву? – насторожилась она. – К чему бы это?» Сказала себе решительно и твердо: «Меня ориентация Ивана Григорьевича совершенно не интересует. И точка».

Оставшуюся часть лекции внимала в пол-уха, пребывая в мучительнейших сомнениях. Высохшее оливковое дерево прочно зацепилось в ее многотуманной голове. Так все-таки похож или нет? Да нет же, решительно не похож. Не похож совершенно. Или похож? Она, безусловно, придерживалась самых широких взглядов, но в данном конкретном случае ее широкие взгляды каким-то замысловатым образом сужались, не оставляя Ивану Григорьевичу Иноземцеву никакой свободы выбора.

К счастью, дендропоход был не слишком долгим. Это, конечно же, не Королевский ботанический сад Кью⁹, но впечатление почему-то осталось довольно сильное. Может быть, даже более сильное, чем от Кью.

У выхода стояло ухоженное денежное дерево монументальных пропорций. Рядом еще одно – упитанное, мясистое, именуемое долларовым. Впрочем, с общей обстановкой дома оба эти растения, напоминавшие о необходимости диверсификации инвестиционного портфеля, категорически гармонировали.

– А теперь, уважаемая Маргарита Николаевна, почему бы нам не попить чаю? Тем более что все уже готово. – Елизавета Алексеевна взяла Маргариту под руку и, не дожидаясь ее согласия, решительно повела через просторный двор.

Чай пили в открытой беседке, которая была со всех сторон захвачена плющом, уже впитавшим бурные краски осени. Рядом с беседкой, бросая на лужайку объемные пятнистые тени, росла старая яблоня столь любимой у нас коричной породы. Разогретые на солнце, некрупные яблочки излучали исключительный медово-коричный аромат, благодаря которому варенье из них и называют в северных краях царским. Недавно сорванные яблоки лежали на большом хрустальном блюде, рядом стояла вазочка со свежесваренным, еще теплым вареньем, а середину стола занимал внушительных размеров пирог с начинкой из тех же яблок. Над столом жужжала пара надоедливых пчел, привлеченных сладким ароматом.

Елизавета Алексеевна заботливо предложила Маргарите укрыться пледом, если будет холодно, тогда как у нее самой на коленях улегся разомлевший рыжий кот Ипполит. Судя по наглой физиономии, плут он был порядочный и разрешалось ему абсолютно все.

И чай, и вопросы для Маргариты были уже готовы. Отрезая большой кусок пирога, Елизавета Алексеевна спросила:

– Надеюсь, вы иногда нарушаете диету?

Лишних килограммов у Маргариты не было, а посему вопрос этот, скорее всего, подвохов не содержал. Поэтому, не задумываясь, призналась чистосердечно:

– У меня вместо диеты школа, так что и нарушать, собственно, нечего. Я иногда только вечером, придя домой, вспоминаю, что весь день ничего не ела.

Елизавета Алексеевна выжидающе помолчала, некоторое время глядя на раскинувшуюся за домом водную гладь, а затем медленно продолжила:

– Мне нравится, как вы заботитесь о детях. Я об этом знаю со слов Ивана, конечно. Он мне говорил, что в первое время, пока дети привыкали к школе, вы оставались допоздна, дожидаясь, пока они заснут.

– Да, но...

---

⁹ Ботанический сад в Великобритании.

– Мой сын знает обо всем, что происходит в городе и тем более в его школе, – прервала она Маргариту голосом, не терпящим возражений. – Он много говорит о вас. Последнее время ничего не ест, исхудал весь. Все это меня беспокоит. Боюсь, вы не приживетесь здесь и, лишь только ваш отец окрепнет после постигшей его утраты, без сожаления покинете нас. Впрочем, чем быстрее вы это сделаете, тем лучше. Я сыта по горло мигрирующими дамочками, которые портят жизнь моему сыну самыми изуверскими способами. Поэтому я прошу вас не давать ему поводов полагать, что вы интересуетесь им, – завершила она, еще больше похолодев глазами.

– Боюсь, ваш сын неправильно информировал вас о моем интересе к нему, – смогла лишь возразить Маргарита, вставая из-за стола.

– Мой сын мне об этом ничего не говорил. Видимо, вы совсем не знаете Ивана, если подумали о нем такое. Я просто предвижу, чем все это закончится. В городе нет ни одной молодой особы, которая не мечтала бы оказаться в его объятиях. – Ее тонкие губы поежились в плохо скрываемой усмешке.

– Одна есть, я это точно знаю, а про других не могу судить, – растерянno ответила Маргарита, вся вспыхнув. Чувствуя, как кровь приливает к ее лицу, еще больше покраснелась и разволновалась.

– Я прошу вас лишь об одном: пообещайте мне здесь и сейчас, что не будете добиваться расположения моего сына. Мне достаточно вашего честного слова, – при этих словах Елизавета Алексеевна нехорошо улыбнулась.

Оправившись от смущения, Маргарита тихо, но весьма решительно и с достоинством отвечала:

– Ничего обещать я вам не буду – и не потому, что вынашиваю какие-то планы. Это ниже моего достоинства – давать подобные обещания. Я думаю, что по этому вопросу вам будет проще договориться со своим сыном, чем со мной.

Она ушла не прощаясь, ощущая себя по-детски глубоко несчастной. На глаза чуть было не навернулись слезы. Но ничего, удержалась. Хотя один Бог ведает, чего ей это стоило.

На набережной по какому-то роковому стечению обстоятельств столкнулась с Иноземцевым. Судя по всему, он пребывал в радужном настроении. Как Иван Григорьевич ни настаивал, она категорически отказалась от его предложения проводить ее до дому и всю дорогу не могла успокоиться от пережитого унижения.

Установить контроль над расшатавшейся нервной системой удалось лишь после того, как она посмотрела на ситуацию со стороны, узрев, что от яблонь в человеческой истории одни только искушения и неприятности. Не говоря уже о зизифусах и мандрагорах.

Тем же вечером, читая книгу перед сном, опять вдруг вспомнила неприятный разговор. Только не неприятную его часть, а поразительную. Подумала: «С чего это вдруг Иван Григорьевич обо мне много говорит? Исхудал опять же. М-да...»

Загадочно улыбнулась. Выключила свет. Заснула хорошо, спокойно.

* * *

В следующее воскресенье солнце светило еще заманчивее, ветер же вовсе стих. Но переживания были еще слишком свежи, и Маргарита решительно отказалась от мысли спуститься к реке после службы в Покровском храме.

В понедельник зарядил студеной, безотрадный дождик, и стало ясно, что нежаркое северное солнце вновь обогреет своими лучами не избалованных теплом жителей Северного Заречья в лучшем случае к Пасхе. Но к концу недели тучи неожиданно рассеялись и природа подарила горожанам, уже начавшим утеплять свои дома к зиме, еще один день настоящего летнего тепла.

Проснувшись ранним воскресным утром, Маргарита увидела в окно реку, переливающуюся на солнце, медленно плывущий белый теплоход, одинокие лодки рыбаков, и желание спуститься к реке стало непреодолимым. Сразу после службы отправилась к старой пристани.

Над рекой, собравшись в огромный рой, летали тысячи стрекоз. На набережной столкнулась с Аристархом Павловичем Оболенским. Он, как вожак стаи, вел за собой членов биологического кружка. На его руке восседала огромных размеров стрекоза.

– Вы только посмотрите, – восторженно начал он, обращаясь скорее к Маргарите, чем к кружковцам, – какой сегодня день! Массовый лёт стрекоз – явление крайне редкое. В учебниках описан случай, зафиксированный в 1852 году под Кенигсбергом. Рой двигался непрерывно с девяти часов утра до позднего вечера, летел на высоте десять метров и представлял сплошную массу в пятнадцать метров ширины и в три метра высоты.

Смерил взглядом свой «рой» и выставил вперед руку со стрекозой:

– А теперь посмотрите, какие волосатые ноги у стрекозы. И кто мне скажет, зачем ей такие ноги? Никто не знает, а я скажу. С их помощью она, как сеть, захватывает насекомых. На лету подносит добычу ко рту и на лету может ее пожать.

Не разделяя восторгов Оболенского по поводу устройства стрекозы, Маргарита распрошлась с натуралистами и медленно пошла вперед – вдоль набережной, детской купальни и городского пляжа. Дальше был яхт-клуб, от которого дорога вела в Нагорную Слободу. Подъем был довольно крутой, дорога вымощена грубым камнем, и Маргарита редко выбирала этот путь. Но сегодня она пропустила первый поворот на Нагорную Слободу, возвращаться не хотелось, и она двинулась вперед, к яхт-клубу.

Плавно качаясь на волнах, к причалу подходила большая белая яхта с загадочным названием *Could Be*. Среди веселой, преимущественно женской, компании выделялся высокий темноволосый мужчина. На нем были шегольские белые брюки и сине-белый свитер. Легко спрыгнув на пирс, он галантно помог дамам спуститься по трапу. Высокая брюнетка с длинными распущенными волосами задержалась у трапа и, обняв дамского угодника за шею, нежно поцеловала в щеку. Он что-то сказал ей в ответ, и вся компания разразилась смехом. Это был не тот смех, который называют дружным, а, скорее, эклектичное сплетение кокетливого похихикивания, грубых басистых перекатов и сердечного, добродушного хохота. От такой чудовищной какофонии Маргарита невольно поморщилась.

Возможно, эта сцена не вызвала бы у нее столь неприкрытого раздражения, если бы пижомом и душой компании, а также источником сердечно-добродушного смеха не был Иноземцев.

Поймав ее неодобрительный взгляд, он загадочно улыбнулся. Она же отвернулась и невеселой, грациозной походкой быстро зашагала в гору.

В том месте, где дорога делала крутой поворот, Маргарита невольно обернулась. Развеселая компания уже покинула пирс. Иноземцев сидел один на носу пришвартованной яхты и, как показалось Маргарите, смотрел в ее сторону.

Глава пятая, в которой речь пойдет о помутнении рассудка

*Попойду – остановлюся,
Посмотрю на высоту.
Умный любит за характер,
А дурак – за красоту.*

Восседая на носу своей яхты и смотря вслед гордо удаляющейся Маргарите Северовой, Иван Иноземцев пришел к весьма неутешительному, печальному выводу: он влюбился. Глупо, по-идиотски, безнадежно. И даже позволил себе на мгновение возрадоваться, когда она, почувствовав его взгляд, обернулась. Но уже в следующую секунду раскис, трезво рассудив, что ситуация аховая и радоваться, собственно, нечему.

Вот уже больше года, как он пребывал в счастливейшем, почти блаженном, состоянии, излечившись от наваждения, свалившегося на него пять лет тому назад. И звали это наваждение Зинаидой Лавровой. Он впервые увидел ее в Североречинске, на гастролях известного московского театра. Пришел на спектакль не из любви к Мельпомене, которой совершенно не страдал, поскольку с детства к хождению по театрам приучен не был, а по необходимости: решил позвать популярную труппу в Вольногоры – так сказать, создать еще одну приманку, или культурную составляющую курорта.

Давали «Чайку». Пьесу начал смотреть без интереса. А потом вдруг зацепило, что-то зашевелилось, поднялось в груди. После спектакля вышел законченным театралом. А познакомившись с Зинаидой Лавровой, непревзойденно игравшей Нину Заречную, он просто пошел в разнос. Дожил до тридцати лет, а крыша покосилась, а затем и полностью съехала впервые. По ее звонку садился за руль и мчался в Москву, чтобы побыть вместе какие-то два часа. Выстроил в Вольногорах для нее театр. Перестроил под нее свой дом – в надежде на то, что она когда-то решит в нем поселиться. Так продолжалось довольно долго – до тех пор, пока однажды не совершил непростительную глупость: не дождавшись ее звонка, объявился в столице по собственной инициативе. Так сказать, с приятным сюрпризом.

Было уже далеко за полночь. Впрочем, на Тверском бульваре, где у нее была уютная, симпатичная квартирка, народу было как днем. Что ж, столица. Так вот, прижимая к страстному сердцу ее любимые желтые розы, пулей взлетел на пятый этаж – лифта ждать не стал, уж больно невтерпеж было поскорее заключить возлюбленную в свои горячие объятия. Когда она наконец-то отворила вожаделенную дверь, он не сразу смог уяснить, почему она не разделяет его трепетной радости и нетерпеливого восторга. Однако всё же секунду разъяснилось. Хриплый, гнусавый мужской голос (обладателю было в лучшем случае за шестьдесят) закричал: «Кто там, Зина? Закрывай дверь скорее. Ты же знаешь, как я не люблю сквозняков». Ее слова «Не волнуйся, это очередной поклонник-прилипала. Я уже бегу, милый» ввергли Ивана в состояние полнейшего оцепенения. К такому пируэту судьбы он не был готов совершенно.

Она небрежно взяла цветы, сделала выразительные глаза, как бы говорившие: «Ну и подставил ты меня, идиот». Громко захлопнула дверь. А он, как полнейший лопух и тот самый идиот, о котором она весьма справедливо говорила своими бесстыжими глазами, продолжал стоять на лестничной клетке, не понимая, с чего это вдруг зеленый цвет ее двери, казавшийся еще недавно веселящим, желанным, вмиг стал змеиным, подкольным. Так и стоял, будто побитая собака, не зная, что ему теперь делать. Как после всего этого кошмара жить дальше.

Зина, правда, на следующий день позвонила. Прямо с утра пораньше. Искренне извинялась. И все объяснила – без экивоков и обиняков. Мол, она актриса, а актриса, мечтающая о хорошей роли, – всегда заложница режиссера. Надо же в такой ситуации как-то лавировать и выкручиваться. Но любит, мол, она только его, Ивана. И душой была верна ему всегда. Что тело? Тлен, да и только. Поэтому и предложила все оставить как есть, закрыть глаза на глупые условности. Все-таки современные люди. Иван ее внимательно выслушал, но мнения своего не изменил: ему категорически не хотелось лавировать и быть любовником наложницы режиссера.

Перестал ей звонить. На ее звонки тоже принципиально не отвечал. Что, собственно, обсуждать? И без того все предельно ясно.

Она приехала. Говорила с ним резко, даже грубо, зло. Обещала жестоко отомстить, если он тут же не одумается. А как она, собственно, может отомстить ему, Ивану Иноземцеву? Все воображимые гнусности по отношению к нему уже совершила. Одним словом, Иван не поддался на ее уговоры. Слава Богу, бычьей упертости ему было не занимать. Мог бы даже этой самой упертости без ущерба одолжить, если кому не хватает.

Так и страдал как олух царя небесного, по-прежнему желая ее, жалея и мучаясь. Отчаянно ждал, что она попросит его, как верного рыцаря, помочь ей освободиться от старого поганца. Страдал, пока не увидел ее в воскресной программе «Пока все дома» в качестве законной супруги этого театрального деда. Довольную, счастливую. Сильную, твердо двигающуюся к цели. И ради этой самой цели – нежно держащую престарелого молодожена за его куриную лапку. К счастью, после этой передачи словно пелена с глаз спала. Понял, что у него самого были не все дома. Проанализировал ситуацию, взглянул на нее объективно. И уразумел наконец-то. Вдруг испытал некоторое облегчение, чему сам несказанно обрадовался.

Проблема-то его коренилась в том, что полюбил он не Зинаиду Лаврову, а ее роль, Нину Заречную – хрупкую, беззащитную, страдающую. Познакомившись с Зинаидой Лавровой, он еще некоторое время упорно продолжал звать ее Ниной Заречной. Она смеялась, называла его дурачком, но, собственно, не возражала. Часто, думая о своей Зине, он вспоминал не какие-то ее милые словечки, а что-то от Нины Заречной:

«Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил...»

или

«Хорошо было прежде... Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства – чувства, похожие на нежные, изящные цветы...»

По всему выходило, что вспылал он к Нине Заречной, хотел *ее* спасти, защитить, пригреть, как-то изменить ее судьбу. Он даже в своих тайных мечтах каламбурил, что приедет его Заречная в Северное Заречье, и будут жить они долго и счастливо. Однако так выходило, что его Нине Заречной нужно не Заречье, а лавры. По сути, она, Зинаида Лаврова, держала его за самца по вызову, поскольку ее полинялый режиссер, видимо, не во всем был одинаково талантлив.

По результатам этого постигшего его откровения сделал следующие выводы. Во-первых, видимо, у него, Ивана Иноземцева, планида такая – кого-то опекать и защищать, поэтому впредь нужно держать ухо востро с особами беззащитного, ранимого вида. Вероятно, именно так и выглядит его подсознательный образ женщины, или, по Юнгу, анимы, живущий в каждом мужчине. Во-вторых, лицедейство и мимикрия ему категорически противопоказаны. Вывод: держаться подальше от дам актерского склада, склонных к фальши и лавированию.

Когда все это осознал, окончательно освободился от тяжких оков. Зажил свободно и счастливо – еще лучше, чем до встречи с Зинаидой Лавровой. Как побочное следствие – попросту перестал ходить в театр, в одночасье разлюбил его. Конечно, случались у него увлечения

(нетеатрального свойства) и после этой поучительной истории, но исключительно с холодной, трезвой головой. Без потери рассудка. И с дамами, не страдающими подкупающей беззащитностью или склонностью к актерству.

Но теперь в одночасье все переменялось. Вдруг осознал, что утратил контроль над собой – влюбился как последний осёл. Потому что только осёл может потерять голову от барышни (вернее, ослицы), которая его открыто презирает и ненавидит. Ведь как говорят? Лучшее средство от сердечных синяков – это голова. И где же, собственно, была его голова? Почему не спасла от столь чудовищной напасти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.